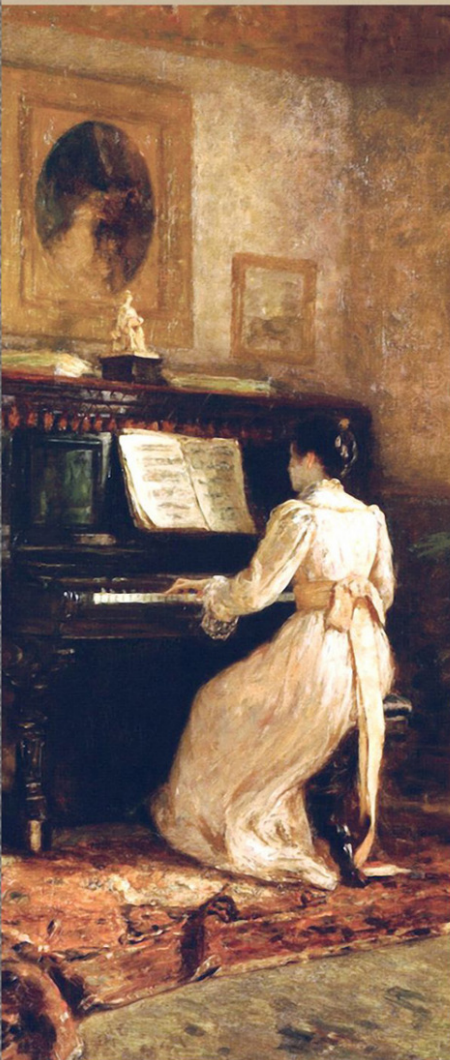

ГЛИНКА

Екатерина
Лобанкова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Екатерина Лобанкова

**Глинка: Жизнь в
эпохе. Эпоха в жизни**

«ВЕБКНИГА»

2019

УДК 78.03(47)

ББК 85.313(2)

Лобанкова Е. В.

Глинка: Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни / Е. В. Лобанкова — «ВЕБКНИГА», 2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504722-8

Михаил Иванович Глинка (1804–1857) – одна из ключевых фигур в музыке и подлинный герой русской культуры. Невероятная, еще прижизненная, слава композитора способствовала возникновению вокруг него многочисленных мифов и домыслов. В представленной биографии воссоздается реальная, порой противоречивая личность Глинки. Впервые показано, как на его мировоззрение и творчество влияла принадлежность к русскому дворянству и европейскому высшему свету. Жизнь композитора рассмотрена в широком историческом контексте, дополненном рассказами о путешествиях, медицине, моде, семейном праве, издательском процессе, домашнем музицировании и др. Жизнь Глинки связана с царствованием трех императоров – Александра I, Николая II, Александра II – и национально-патриотической составляющей их политики, в частности с идеологией «официальной народности» в рамках Российской империи. Автор биографии – Екатерина Лобанкова (Ключникова), кандидат искусствоведения, специалист по истории русской музыки – опирается на современные исследования по истории культуры и искусства, включая зарубежные, и предлагает свою интерпретацию исторических фактов и свидетельств времени. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 78.03(47)

ББК 85.313(2)

ISBN 978-5-23-504722-8

© Лобанкова Е. В., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Вступление	7
Назад к Глинке	10
Кто Вы, господин Глинка?	13
Часть первая	16
Глава первая	16
Старое имение	18
Украденная невеста и разборные мосты	20
Бабушкин воспитанник	22
Усадьба как образ мироздания	24
«Дикое» детство	26
Имение как бизнес	27
«Музыка – душа моя»	28
Мультикультурализм	30
Победа над злом	32
Домашнее образование	34
Музыкальный поворот	36
Изгнание из Эдема	37
Глава вторая	39
Элитное учреждение	39
На особом положении	40
«Мы все учились понемногу»	42
Экзотические персонажи	45
Увлечения	46
Образование как воспитание	47
В кругу юных гениев	48
Король инструментов	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Лобанкова

Глинка: Жизнь в эпохе. Эпоха в жизни

На переплете книги – фрагменты акварельного портрета Михаила Глинки (1820-е гг.), картины Т. К. Стила «Пианистка» (1893) и акварель П. А. Каратыгина (1830-е гг.) с изображением К. П. Брюллова (сидит), Я. Ф. Яненко, М. И. Глинки (за фортепиано), Н. В. Кукольника и И. П. Поливанова (сидит на стуле).

© Лобанкова Е. В., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Вступление «Глинка» как миф

«В России до Глинки не было ни одного композитора» – так сказал на одной из моих лекций студент немзыкального вуза. Это мнение, явно присвоенное из многочисленных литературно-музыкальных источников Интернета, может служить доказательством того, что имя Михаила Ивановича Глинки вписано в современный информационный и культурный поток. Как и почти 200 лет назад, он является той фигурой, от которой отсчитывается история русской музыки современного периода. Михаил Иванович Глинка (1804–1857) считается первым национальным композитором, основателем русской композиторской школы и творцом, получившим высокий статус классика.

Но парадокс в том, что его имя более известно, чем его музыка. Лишь профессиональные музыканты обращаются к его сочинениям регулярно. Она является обязательной частью программы отечественного музыкального образования. В репертуаре симфонических коллективов можно встретить «Камаринскую» на народные темы, аристократичный «Вальс-фантазию» и две эффектные Испанские увертюры. Но звучат они на концертной эстраде редко.

Теперь с трудом можно найти российские театры, где постоянно идут оперы Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» (одна из редких премьер – постановка *semi-stage* в московском театре «Новая опера» в октябре 2018 года). Лишь в Мариинском театре в Санкт-Петербурге, где исполнение русской классики считается важной миссией, оба сочинения регулярно оживают на сцене. Интересную фортепианную музыку плохо знают даже профессионалы. По сути, эти сочинения – настоящая музыкальная русская экзотика, которую еще предстоит открыть.

Застывший в прошлом образ национального классика, создателя первой национальной оперы, остается за пределами интересов современного молодого слушателя, который, может быть, знаком лишь с двумя-тремя его романсами.

За рубежом музыка Глинки известна профессионалам, которые уважительно слушают ее, но чаще всего относят к направлению национального романтизма, в рамках которого формировались разные национальные локальные школы¹. А значит, и значение Глинки не выходит за рамки русской музыки.

Парадокс сегодняшних рецепций, то есть современных оценок и восприятия, не отрицает его славы, которая сопровождает его имя на протяжении более чем двух веков. Эта слава гремит и сегодня, но именно под ее воздействием были деформированы исторические факты, связанные с фигурой Глинки, что породило в публичном пространстве множество мифов о нем. Наверное, ни один другой композитор в русской истории не был объектом столь настойчивого и тотального мифотворчества.

Современники пользовались прямыми отсылками к греческим мифам. Михаила Ивановича называли русским Орфеем, что запечатлено, например, в шутивном акростихе, который был сочинен одним из его друзей.

Гимн родного соловья,
Лепет листьев, шум ручья.
Из груди гармонией льются.
Не мечты ли вокруг нас вьются?

¹ См., напр.: Döhring S., Henze-Döhring S. Oper und Musikdrama im 19. Jahrhundert. Handbuch der musikalischen Gattungen. Bd. 13. Laaber: Laaber, 1997. S. 4, 139.

Кто же милый наш Орфей?
Ах, заглавные скорей
Прочитайте
И узнайте².

Композитора называли то «отцом русской музыки», то ее «солнцем»³.

Его последователи – например критик Владимир Васильевич Стасов и композиторы кружка «Могучая кучка» – считали Глинку поборником идеалов «народничества». Эта философия в их более поздней интерпретации 1860-х годов подразумевала идеализацию крестьянского искусства и требовала изоляции от всяких инноваций. В этот образ они вкладывали собственное представление об идеале искусства, но он имел мало общего с реальной личностью музыканта. Каждый из его современников видел «своего» Глинку⁴.

Его образ менялся также в зависимости от идеологического курса страны, так как Глинка был навсегда и бесповоротно включен в дискурс власти. В советское время принято было героизировать и идеализировать композитора, что шло еще из традиций биографики XIX века⁵. Глинка в этих работах является жертвой «деспотического гнета последних лет царствования Николая I»⁶. Он показывался как «реалист», воплощающий требования правдивого отражения действительности⁷.

Однако помимо героических представлений вокруг Михаила Ивановича возникали анти-мифы. Его часто «низвергали» до уровня простого человека, страдающего от различных слабостей и пороков. Читая воспоминания, например литератора Павла Михайловича Ковалевского или Авдотьи Яковлевны Панаевой, можно представить себе взбалмошного, болеющего и неприятного человека. Позже, ознакомившись с «Записками» композитора и с его рукописями, Петр Ильич Чайковский, восхищаясь его музыкальным гением, сокрушался по поводу его характера: «Глинка гений, – но ведь он был чистейшим дилетантом и его *Nachless* (то есть наследие. – *Е. Л.*) не мог никогда быть тем, что он был у Шуберта, Шумана, Шопена»⁸. В последующие годы Глинку будут называть «Обломовым», «баринном», деятели раннесоветской культуры обвиняли его в лени и неоправданном сибаритстве⁹.

² Варшава. 18 июля 1850 г. Александровская цитадель. N. N. Сообщ. Л. И. Шестаковой // Русская старина. 1876. Т. XVI. Вып. 5–8. С. 204.

³ Подробнее см.: *Валькова В. Б.* «Солнце русской музыки». Глинка как миф национальной культуры // М. И. Глинка: К 200-летию со дня рождения: Материалы научных конференций: В 2 т. / Общ. ред. Н. И. Дегтярева, Е. Г. Сорокина. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 2006. Т. 2. С. 17–25.

⁴ Так, исследователями доказано, что «Дневник» Нестора Кукольника, друга композитора и литератора, является более поздней мистификацией и по жанру соответствует воспоминаниям. Оттого многие даты и события не соответствуют действительности (*Штейнпресс Б. С.* «Дневник» Кукольника как источник биографии Глинки // М. И. Глинка: Исследования и материалы / Под ред. А. В. Оссовского. Л.; М.: Музгиз, 1950. С. 89–118). Правда, еще один свидетель событий, друг композитора, военный П. А. Степанов указывал, что «воспоминания Кукольника могут быть очень полезны в составлении музыкальной биографии Глинки; если отбросить поэтическую восторженность, то все остальное верно» (*Степанов П. А.* Воспоминания о М. И. Глинке (по поводу «Дневника» Н. В. Кукольника) // Глинка в воспоминаниях современников / Под ред. А. А. Орловой. М.: Музгиз, 1955. С. 183–184).

⁵ Мифы о Глинке рассматривает, напр.: *Фролов С. В.* М. И. Глинка: Первые годы жизни (из новой биографии композитора) // Музыкальная наука на постсоветском пространстве. Международная Интернет-конференция. – http://2011.gnesinstudy.ru/page/frolov_doklad.html.

⁶ Об этом, например, в комментарии к письмам М. И. Глинки. См.: *Коммент. № 6 // Глинка М. И.* Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: В 2 т. [В 3 кн.] / Изд. подг. А. С. Ляпунова, А. С. Розанов. М.: Музыка, 1973–1977. Т. 2 (а). С. 357. (Далее – *Глинка М. И.* ПСС.)

⁷ Такой образ транслируется, например, в учебнике для высших учебных заведений по специальности «Музыковедение»: *Владышевская Т., Левашева О., Кандицкий А.* История русской музыки: Вып. 1. М.: Музыка, 2013. С. 377.

⁸ П. И. Чайковский – П. И. Юргенсон. Венеция. 17 / 5 декабря 1877 года // Чайковский П. И., Юргенсон П. И.: Переписка: В 2 т. / Ред. – сост. П. Е. Вайдман. М.: П. Юргенсон, 2011. Т. 1: 1866–1885. С. 32.

⁹ Подробнее см.: *Раку М. Г.* Музыкальная классика в мифотворчестве советской эпохи. Механизмы «редукции» классического наследия. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 451–464.

Причин подобных негативных оценок было множество – и непонимание эпохи, в которой жил музыкант, и глобальные государственные идеологические задачи, под которые подыскивались подходящие кумиры, и культурно-исторические метаморфозы.

Немаловажен и психологический фактор, о котором размышлял Александр Сергеевич Пушкин в письме другу Петру Андреевичу Вяземскому в ноябре 1825 года: «Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе»¹⁰.

Мифы разрушили историю.

Глинка стал восприниматься больше как культурный герой в истории России, чем композитор, чья музыка постоянно воспроизводится в актуальном музыкальном пространстве и востребована слушателями.

¹⁰ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1959–1952. Т. 9: Письма: 1815–1830 годы. С. 215.

Назад к Глинке

Существует представление, что биографии известных людей, как и учебники, нужно переписывать раз в 50 лет. За это время происходит смена научных парадигм, открываются новые факты и документы, что позволяет уточнять и заново выстраивать образы прошлого.

В серии «ЖЗЛ» выходило несколько биографий Глинки, последняя из них была выпущена в 1950 году. С этого момента прошло почти 70 лет. Значительный временной разрыв и накопленный за это время багаж открытий, мнений и фактов подтверждает актуальность новой книги о Михаиле Ивановиче Глинке, которая продолжит повествование об этом герое в известной линейке книг.

Главная цель новой биографии – выявить мифы о Глинке, по возможности развенчать их, найти причины их появлений и предложить новые системы аргументации, позволяющие приблизиться к пониманию этой личности, его поступков и суждений. Хочется, чтобы читатель прошел жизненный путь вместе с главным героем и удивился, с одной стороны, уникальности его судьбы, а с другой – причастности к истории страны и всей эпохи. Каждое историческое событие или явление – от восстания декабристов до распространения железных дорог, так или иначе, влияло на его решения и поступки.

Еще одна цель этой книги – воссоздать эмоциональную жизнь Глинки, его мировоззрение и внутреннюю мотивацию. Все это образует уникальный внутренний мир художника. Внешняя канва его жизни – учился, путешествовал, женился, сочинил и т. д. – довольно известна. Но простое перечисление фактов не дает нам понимания. Нам, читающим о Великих и познающим Великих, всегда хочется приоткрыть тайну их личности, понять ее, распознать «механизмы» творчества и объяснить их поступки. В случае же с музыкантом подобное «открытие» личности творца позволяет более точно понимать и слышать его музыку, которая является и его субъективным дневником, и чем-то намного большим – универсальным искусством, говорящим на понятном всему человечеству языке. Как замечал Одоевский: «Материалы для жизни художника одни: его произведения. Будь он музыкант, стихотворец, живописец, – в них найдете его дух, его характер, его физиономию, в них найдете даже те происшествия, которые ускользнули от метрического пера историков»¹¹.

Биография Глинки представляет интерес не только для ценителей музыки, но и для всех, кто интересуется прошлым России и Европы. Его жизнь – это истории русского языка, философии, политических систем, развлечений, театров, гастрономии, медицины и многого другого. Жизнь Глинки позволяет открыть повседневный мир русского общества периода 1820—1850-х годов с его традициями брака, семьи, наследования, устройства и распорядка дня, образования и манер поведения. В книге воссоздается то, что он мог видеть, слышать и читать в разных странах, путешествуя по Европе, так что перед нами открывается картина жизни всего европейского мира XIX века.

Создать новую биографию Глинки, с одной стороны, просто, ведь сохранилось множество воспоминаний современников и исследований последующих эпох, а с другой – в них как раз и создавались мифы, транслируемые из поколения в поколение. Даже собственные воспоминания Глинки, озаглавленные бесхитростно «Записки», он создавал в конце жизни, с 1854 по 1855 год, и оттого многие факты и описанные им события потеряли свою достоверность и точность¹².

¹¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. М.: Наука, 1975. С. 106.

¹² Впервые полный текст «Записок» был издан в 1870 году в журнале «Русская старина». Отдельными изданиями они вышли в свет в 1871-м (под редакцией В. В. Никольского) и в 1887-м (под редакцией В. В. Стасова). Последнее наиболее точное и выверенное издание «Записок» было сделано в 1988 году (*Глинка М. И. Записки / Подгот. текста А. С. Розанова. М.: Музыка, 1988*). По этому изданию будут приводиться цитаты из «Записок» в этой книге (далее в сносках – *Глинка М.*

Однако за последние 20 лет в российской и зарубежной науке о Глинке появились новые исследования, в которых произошли значительные переосмысления и сделаны открытия. Кульминацией интереса к наследию композитора стало его двухсотлетие, которое отмечалось в 2004 году, когда вышло несколько важных книг о нем, прошли научные конференции, постоянно звучала его музыка.

Среди исследователей, повлиявших на облик современной глинкианы, нужно назвать Марка Генриховича Арановского, Надежду Владимировну Деверилину, Сергея Георгиевича Мамаева, Елену Михайловну Петрушанскую, Тамару Закировну Сквирскую, Сергея Витальевича Тышко, Елену Владимировну Фролову, Сергея Владимировича Фролова, Татьяну Васильевну Чередниченко и др. Большое значение имеют многочисленные выпуски Новоспасских сборников, издаваемых по итогам конференций в Музее-усадьбе М. И. Глинки.

Кроме того, в российской гуманитаристике появились важные работы по истории русской музыки первой половины XIX века (Марины Геннадьевны Долгушиной, Елены Владимировны Смагиной, Анастасии Александровны Сырейшиковой, Елены Марковны Шабшаевич и др.) и по истории русской культуры (исследования Андрея Леонидовича Зорина, Алексея Геннадьевича Машевского, Веры Юрьевны Проскуриной и др.). Действуют общедоступные площадки для трансляции новых научных достижений о русской истории – это интернет-ресурсы «Арзамас», «Постнаука» и «Лекториум». Вся эта обширная современная научная гуманитарная база, сформированная русскими и зарубежными исследователями, позволяет по-новому взглянуть на личность и творчество Глинки.

Книга опирается на историко-культурный и контекстуальный подходы, которые предполагают описание истории, быта, всей среды, в которой творил художник. Вместо того чтобы «накладывать» на его музыку и личность новые, современные «ярлыки» и определения, мы попытаемся проникнуть в мировоззрение эпохи и через него – в мировоззрение композитора.

В качестве более точных исторических свидетельств, чем жанр воспоминаний, используются письма Глинки и его современников. Правда, многое из его эпистолярия считается утерянным. Сестра композитора – Людмила Ивановна Шестакова – указывала, что письма зачастую уничтожали сами родственники как неинтересные или способные повредить репутации композитора¹³. Письма Глинки, его корреспонденция и документы цитируются в основном по полному собранию его сочинений: *Глинка М. И. Полное собрание сочинений: Литературные произведения и переписка: В 2 т. [В 3 кн.: 1: Литературные произведения; 2 (а): Письма 1822–1853 годов. Документы; 2 (б): Письма 1854–1857 годов. Письма Глинке]* / Изд. подг. А. С. Ляпунова, А. С. Розанов. М.: Музыка, 1973–1977 (в сносках – *Глинка М. И. ПСС*). Письма матери композитора цитируются по изданию: *Письма Евгении Андреевны Глинки* / Сост. Н. Деверилина. М.: Дека-ВС, 2004 (в сносках – *Письма Е. А. Глинки*). Некоторые письма сверены с автографами. В случае если не указывается печатный источник, цитирование осуществляется по автографу.

Чтобы понять, кто создавал мифы о Глинке и как они «приживались» в русском обществе, использована методология такого направления исторической науки, как «публичная история» (*public history*), исследующая способы репрезентации истории в публичных практиках, например в СМИ¹⁴. Сам Глинка чрезвычайно трепетно относился к тому, как его будут вос-

И. Записки).

¹³ Почти не сохранилось писем Глинки эпохи обучения в пансионе, нет писем родным в период службы в Санкт-Петербурге и первой зарубежной поездки, то есть с 1824 по 1835 год. Многие из них могли бы уточнить вопросы создания оперы «Жизнь за царя». Неизвестны письма матери композитора – Евгении Андреевны Глинки – сыну. Они вели интенсивную переписку до самой ее смерти. Так же среди тех, с кем Глинка вел интенсивную переписку и чьи письма считаются уничтоженными, были муж его сестры Елизаветы – Виктор Флёрн, возлюбленная Екатерина Керн. Погиб архив барона Егора Розена, автора либретто к опере «Жизнь за царя», где могли быть свидетельства о процессе написания первой оперы. Документы уничтожены его братом после смерти поэта. Утрачен личный дневник Глинки, который он вел во время путешествия по Испании.

¹⁴ Подробнее об этом методе в рамках музыкальной науки см.: *Купец Л. А. История музыки как public history (методоло-*

принимать и встречать в обществе. Он – когда-то сознательно, а когда-то бессознательно – выстраивал свои образы, «конструировал» себя и свою биографию, часто инициировал публикации о себе в прессе. В книге используются выдержки из статей в газетах, журналах и альманахах того времени (особенно статьи в газете «Северная пчела», являющейся самым читаемым русским изданием в эпоху Глинки). Они выдерживают проверку временем, так как были написаны непосредственно в момент происходящих событий. Этот блок информации позволяет нам понять восприятие и оценки современников, определяющие успех или провал премьер, исполнителей и композиторов. Все выдержки из периодических изданий эпохи Глинки выверены по первоисточнику (если не указано иное).

Визуальные материалы, опубликованные в книге, взяты из открытых источников, в том числе из книг и журналов, изданных в XIX – начале XX века. Некоторые фотографии с современными видами достопримечательностей в Смоленске и Новоспасском сделаны Денисом Викторовичем Лобанковым, он также помогал в подборе иллюстративного материала. Переводы с французского и немецкого языков приводятся по изданным материалам, в некоторых случаях уточнения сделаны Марией Васильевной Кузнецовой.

Предлагаемая книга в рамках серии «ЖЗЛ» носит в первую очередь популяризаторский характер. В нее включены беллетризованные диалоги, но они не выдуманы, а составлены на основе эпистолярия Глинки и его окружения, так что имеют вполне документированные основания.

Новая биография русского композитора создавалась в первую очередь в рамках русской популярной литературы, выполняющей важную просветительскую миссию. Но ввиду отсутствия современных учебников по русской музыке и целостной научной монографии о жизни и творчестве Глинки она может использоваться и в образовательном процессе профессиональных музыкальных учреждений, и в научной деятельности.

Кто Вы, господин Глинка?

Сегодня многие исследователи приходят к выводу, что мы не знаем истинного Глинку, то есть реальную историческую личность¹⁵. Многие из тех, кто пытался рассказывать о нем, поражались его многоликости и противоречивости. Как можно свести в единый образ тот набор противоположностей в характере, поведении и поступках, известных по его биографии и творчеству? Его эпикурейство и работоспособность, страсть к развлечениям и религиозность, логику и эмоциональную импульсивность, уход от официальной службы и преклонение перед императором, приоритет частной жизни, ценности личности и заботы о собственном реноме в свете, мечтательность и скепсис, серьезность и игра, культ городской жизни и побеги на лоно природы? Его интерес – помимо русской народной культуры – к украинскому, финскому, испанскому, персидскому фольклору, а также использование музыкальных моделей из французской, итальянской и немецкой школ не вписывались в идею русской «национальной музыки». А постоянные жалобы на болезни разрушали его героический образ.

И все-таки образ Глинки как «безукоризненного» русского гения сложился, но уже ближе к концу XIX века. Этому способствовало сравнение композитора с Пушкиным, ставшим «нашим всем» почти сразу после смерти. Знаменитая же речь Достоевского в 1880 году на открытии памятника Пушкину, в которой он говорил о «всемирной отзывчивости» русского поэта, собирающего все явления жизни и разные национальные традиции в своем творчестве, позволила еще больше заретушировать противоречия натуры Глинки. Ведь автоматически это качество, которое стало пониматься вообще как свойство каждого русского гения, было экстраполировано и на композитора.

Однако сам Глинка ни о какой «отзывчивости» не помышлял. Он жил в другую эпоху, когда буйствовал романтизм, сросшийся на русской почве с сентиментализмом. Именно романтическая картина мира – противоречивая, многогранная, разнообразная – сформировала мировоззрение Михаила Ивановича и определяла всю ту множественность и алогичность, которые пытались заретушировать последующие биографы¹⁶. Раздвоенность сознания, вечный поиск и неудовлетворенность жизни, возникшие в русской культуре под влиянием сочинений Байрона, гипертрофированная чувствительность, пессимизм, протест против общественной морали, распространившиеся после чтения романа Гёте «Страдания юного Вертера» – все это определяло восприятие действительности Глинки на протяжении жизни.

Но, пожалуй, основной чертой романтического мировоззрения, которая доминировала и в характере Глинки, была *меланхолия*, провоцирующая постоянное ощущение уязвимости человеческой натуры. Меланхолия, знавшая за многие столетия человеческой истории многочисленные проявления, в эпоху Глинки явилась признаком принадлежности к особой когорте людей – избранных, принадлежащих к верхушке не только дворянского сословия, но и вообще людей¹⁷. Меланхолическим умонстроением определялась степень утонченности души, способность проникать в тайну мироздания и общаться с Богом посредством искусства.

Меланхолия могла принимать разные формы – от жуткой депрессии, парализующей любую деятельность (поэтому у Глинки были периоды, когда он мог по несколько месяцев не выходить из комнаты и не сочинять), до сильных эмоций (Глинка, например, плакал во время прослушивания опер Беллини и Глюка). Периоды бездействия сменялись безостановочным весельем во время встреч с товарищами в салонах или на вечерах. Депрессивное состояние

¹⁵ *Zavljunov D. Constructing Glinka // Journal of Musicology. Summer 2014. Vol. 31. Issue 3. P. 326–353.*

¹⁶ *Ручьевская Е. А. Глинка и романтизм // Ручьевская Е. А. Работы разных лет: Сборник: В 2 т. СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2011. Т. 1: Статьи. Заметки. Воспоминания. С. 66–71.*

¹⁷ См.: *Юханнссон К. История меланхолии: О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М.: Новое литературное обозрение, 2012 (Культура повседневности).*

определяло и повышенную чувствительность к физической боли и провоцировало его ипохондрию. Часто Глинка терял смысл жизни, чувствовал душевное и физическое бессилие, что вызывало удивление у простых смертных, но уважение в кругу художников-романтиков.

Это особое необъяснимое чувство какой-то непостижимой утраты, постоянное стремление к чему-то и чувство одиночества присутствовали в жизни Глинки постоянным фоном. Он часто ощущал безысходное, бездейственное отчаяние, бездонный ужас, заставляющий его сердце, как он сообщал в письмах, буквально останавливаться. Но избавляться от такого объемного «багажа» своей души Глинка не собирался, ведь это были своего рода «сейсмографы», доказывающие его призвание художника. Меланхолия была и явлением культуры, и признаком определенного социального статуса, и знаком творца.

Помимо романтической идеологии особенности характера, поведения и мировоззрения Глинки были во многом сформированы его принадлежностью к дворянской элите. Он не был связан заботами о быте и поисками средств к существованию. Крепостные сопровождали его повсюду и решали хозяйственные вопросы, а доходы от имения позволяли довольно свободно жить и путешествовать. Русские дворяне его поколения воспитывались как часть европейской элиты (вспомним о распространенном приглашении иностранных гувернеров в дворянские дома). Глинка был истинным «русским европейцем»¹⁸, который ощущал себя частью европейского высшего общества, что не мешало ему гордиться своей рускостью. Свою музыку он также мыслил как часть европейского музыкального мейнстрима. Даже названия своим сочинениям в автографах он подписывал на иностранных языках – французском, итальянском или испанском.

Дворянское самосознание было тотальным, оно «перевешивало» все остальные идентичности Глинки, в том числе его самоощущение композитора. Получивший прекрасное государственное образование, он чувствовал себя не просто дворянином, но частью дворянской интеллектуальной элиты, которая все более и более видела свой смысл жизни в сфере частной жизни, ставя ее выше полученных чинов и наград. Как отмечает историк Елена Марасинова, «происходило постепенное высвобождение сферы личностного существования российского дворянина», что впоследствии, через почти столетие, приведет к русскому феномену – интеллигенции¹⁹. Глинка, как и многие интеллектуалы его круга, занимался постоянным самообразованием, в котором большая роль отводилась чтению (не случайно на одной из карикатур его друга Николая Степанова он изображен везущим тележку с книгами), путешествиям, посещению музеев, выставок и театров.

Но русское дворянство обладало расколотым сознанием, в котором сосуществовали многие противоречия: приоритет частной жизни парадоксальным образом совмещался с искренним преклонением монарху и беззаветной верностью родине. Глинка также придерживался этого кодекса дворянина: служение государю и стране он считал своей прямой обязанностью. Другое дело, что такое служение, не требующее вознаграждения, будет теперь связываться не с чиновничьей деятельностью или военными сражениями, но и с искусствами. Жизнь, посвященная искусству, приравнивалась к общественному служению, ведь настоящее произведение искусства способно воспитать душу человека, а значит, и улучшить нравы всей страны. Еще одно качество дворянского самосознания нужно знать, чтобы понимать многие поступки композитора – это неприкосновенное понятие чести, бесспорный этический и моральный императив, чего не знало ни одно другое поколение русских аристократов. Совершить недо-

¹⁸ Такой образ Глинки был представлен Марком Арановским. Он пришел взамен советского «народнического» и «демократического» образов, в которых подчеркивался изоляционизм Глинки, его «особый путь». Подробнее о «русском европеизме» см.: Арановский М. Слышать Глинку // Музыкальная академия. 2004. № 2.

¹⁹ Марасинова Е. Н. Вольность российского дворянства (Манифест Петра III и сословное законодательство Екатерины II) // Отечественная история. 2007. № 4.

стойный поступок, оскверняющий имя дворянина, считалось хуже смерти²⁰. Идеал, который утверждался в культуре, подразумевал утверждение чести как основного закона поведения, которого придерживался и Глинка.

О чем же рассказывает музыка Глинки, есть ли у нее, несмотря на разнообразие жанров, какое-то единое послание, или, как мы сегодня часто говорим, месседж? Ответ на этот вопрос сформулировал сам Глинка. В письме своему ученику Владимиру Никитичу Кашперову в конце жизни он указывал на суть музыки: «...искусства, а следовательно и музыка, требуют чувства». И дальше по своему обыкновению он дает разъяснение на французском: «l'art c'est le sentiment», что значит «искусство – это чувство», которое дается художнику свыше в облике вдохновения или музыки²¹.

В его эстетических пристрастиях понятие «возвышенное», некогда, в классицизме, считавшееся высшим критерием оценки произведения, заменяется категорией «трогательное». То искусство, которое трогает и вызывает чувства умиления и поток слез, теперь считается истинным.

Герой его сочинений, его *alter ego*, – это чувствительный человек, гуманист, живущий сложной внутренней жизнью, не мечтающий о воинских подвигах или государственных делах, но ощущающий свою принадлежность к прошлому и настоящему своей страны. Музыка Глинки в первую очередь обращается к чувствам слушателя, заставляя его переживать сложную палитру переходов от одного состояния в другое. Герои его сочинений разнообразны и непредсказуемы, но всегда остаются в эстетических рамках хорошего вкуса и категории красоты.

Сегодня, когда многие люди ощущают однообразие эмоций и пытаются обучиться эмоциональному интеллекту, музыка Михаила Ивановича Глинки будет как никогда актуальна. Его творчество можно считать школой чувствования.

Р. S. Я благодарю за помощь, поддержку и ценные советы коллег – музыковедов Любовь Абрамовну Купец, Веру Борисовну Валькову, Зивар Махмудовну Гусейнову, Надежду Владимировну Деверилину, Марину Григорьевну Рыцареву, Анастасию Александровну Сырейщикову, специалиста по истории фортепианного искусства Александра Михайловича Меркулова, историков Андрея Леонидовича Зорина, Михаила Брониславовича Велижева и Юрия Николаевича Фоста. Я признательна сотрудникам российских архивов, музеев и библиотек – Музея-усадьбы в Новоспасском, Российского национального музея музыки, РГАЛИ, Отдела рукописей РГБ и РНБ, Государственного исторического музея, Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское», Русского музея. Отдельная искренняя благодарность – моей семье.

²⁰ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 85. См. также – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/05.php.

²¹ Глинка М. И. ПСС. Т. 2 (6). С. 148.

Часть первая Русский дворянин

Глава первая Детство. Эклога (1804–1817)

Солнце взошло, кончилась ночь.

Громко поют птицы в лесах.

Слушайте их: голосом птиц

Сам говорит небесный дух.

Песня Рыбака. Опера И. Стравинского «Соловей»

В имении Новоспасском Смоленской губернии в солнечное раннее утро 20 мая 1804 года²² у отставного капитана Ивана Николаевича Глинки родился второй сын Михаил. Сладкий аромат роз, сирени, цветущих яблонь и молодой листвы многовековых дубов окутывал дом и сад. Под окном спальни, в густой кроне, раздались звонкие трели соловья – так впоследствии рассказывала мать будущего композитора Евгения Андреевна Глинка.

Проверить достоверность этой идиллической пасторали сегодня невозможно. Но надо заметить, что соловей являлся в первой половине XIX века самым популярным символом в русской поэзии²³, олицетворяющим талант, дар и экстаз любви. Слова матери показательны для нас – они свидетельствуют, что ребенок был желанным и любимым. С самого рождения ему предсказывалось блистательное будущее. Пение соловья, предопределившее, по мнению родственников, будущее призвание мальчика, неизменно вспоминалось в семье Глинок как незбылемый факт.

Легенда становится явью для тех, кто в нее верит.

Совпадение или нет, но Глинка сделает два разных переложения известного романса Александра Алябьева «Соловей»²⁴ на стихи Антона Дельвига, своего друга. Возможно, он и сам верил в предсказание того новоспасского соловья.

Будущий композитор родился в эпоху перемен, обещанных пришедшим к власти Александром I. Внук великой Екатерины II, он перенял ее способ властвования и следовал за ее политическими амбициозными проектами (все это можно назвать «сценарием власти», согласно историку Ричарду Уортману) в первые десятилетия нового, XIX века. Империя разрасталась. В 1801 году в подданство России перешла Восточная Грузия. Победы в войнах с Турцией, Персией и Швецией принесли территории современных Молдавии, Западной Грузии, Северного Азербайджана и Дагестана, Финляндии и Аландских островов.

Но за фасадом успешной внешней политики скрывалась трагедия в царской семье, которую желали забыть как сам Александр I, причастный к ней, так и все высшее дворянство. В 1801 году, за три года до рождения Михаила Ивановича Глинки, страна пережила дворцовый переворот. Ночью 11 марта 1801 года в Михайловском замке Павел I встретил свою смерть. Он был убит командирами своих вооруженных сил. Прежнее царствование своего отца Алек-

²² Даты событий, происходящих на территории Российской империи, приведены по старому стилю. В тех случаях, когда композитор находился в Европе, даты указываются в двух вариантах – по новому стилю и по старому (именно в таком порядке в письмах обозначал дату композитор). Разница между юлианским и григорианским календарями в эпоху Глинки составляла 12 дней.

²³ Только в стихотворных текстах первой половины XIX века соловей упоминается около ста раз.

²⁴ В 1833 году он написал в Берлине виртуозные вариации, а в 1856-м сделал переложение для голоса с оркестром.

сандр I объявил деспотичным. Дворянству, потерявшему свои привилегии при нем, был возвращен статус элиты.

Главным посылом, определяющим в это время власть нового императора, была дружба в высших кругах общества, возвещающая о конце разлада между императором и дворянством. Россия, гордившаяся своими завоеваниями еще с царствования Екатерины II, ощущала небывалый подъем патриотизма и эйфории. Молодые люди воспользовались разрешением носить круглые шляпы. Старые кафтаны, камзолы и неуклюжие мундиры павловского правления сменились облегающими, близкими к французской моде сюртуками. Женщины начали одеваться так, что напоминали римские статуи, сошедшие с пьедестала²⁵. Новый вектор власти, ориентированный на европейское Просвещение, нравился российскому дворянству, многие представители которого не были этническими русскими.

Многочисленный и почитаемый в России род Глинок происходил из польских дворян²⁶. История их перехода под власть российской короны вполне традиционна для того времени.

В XVII веке польский рыцарь пан Викторик Владислав Глинка (1616–1665) в числе других польских шляхтичей Речи Посполитой выступал против русских войск царя Алексея Михайловича. Борьба шла за Смоленск, который три раза переходил то к Речи Посполитой, то к русским. В 1654 году он окончательно вошел в состав России.

Храбрый воин Викторик Владислав добровольно перешел под знамена Московского государства, победившего в сражении. Польские корни и католическая вера не помешали ему принять православие и превратиться в Якова Яковлевича. В благодарность за подчинение и помощь в усмирении польских соотечественников российский царь оставил за ним смоленские земли, полученные при польском короле, и прежний дворянский герб.

Герб, упоминания о котором относятся к XI веку, назывался Тржаска или Тшаска (польск. *Trzaska*). Его символика увековечила доблестные сражения предка по имени Тржаска. Он храбро защищал в боях Болеслава Храброго, первого короля Польши. Во время битвы, как гласит легенда, он сломал свой меч, тогда король отдал ему свой, но и королевское оружие не выдержало атаки врагов. Два сломанных меча, направленных друг к другу сломанными клинками, расположены на гербе.

На Смоленщине польский предок и его потомки постепенно расширяли свои владения. Они образовали несколько ветвей рода Глинок, которым принадлежали земли в Смоленском, Ельнинском (здесь располагались имения прямого предка Михаила Ивановича Глинки), Рославльском, Духовщинском и Дорогобужском уездах²⁷.

Военная служба являлась личной обязанностью смоленских Глинок, как и всей смоленской шляхты. Поэтому все предки композитора, в том числе дед, отец, братья и дяди, прошли военную службу. Смоленску, городу-форпосту на русско-польской границе, часто приходилось отражать напоры неприятеля. «Город-крепость» и «город-ключ» – так называли Смоленск. Смоленская шляхта считалась особым социальным образованием, одним из привилегированных военных формирований в России. Здесь дворяне обладали схожим мировоззрением –

²⁵ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004. С. 260.

²⁶ Некоторые исследователи пишут о белорусских корнях рода Глинок.

²⁷ Ветвь, к которой принадлежал композитор, получила в специальной литературе название «ельнинская», так как родовое имение прямого потомка Михаила Ивановича принадлежало к Ельнинскому уезду Смоленской губернии. Благодарю Надежду Владимировну Деверилину за подробные сведения о предках и родственниках М. И. Глинки. Она подробно описала родословие смоленских Глинок в издании «Смоленских Глинок древний род» (Смоленск: Свиток, 2013), в которой представлены судьбы полутора тысяч человек. В описании родственников М. И. Глинки также использовались книги: Деверилина Н. В. Глинка и Смоленщина. Смоленск: Свиток, 2014; Федоров Б., Деверилина Н., Королева Т. Смоленские Глинки: 350 лет на службе России: 1654–2004. Родословная рода Глинок и потомков сестер М. И. Глинки. М.: Гареева, 2004. В реконструкции усадебной жизни Глинки использовались десять сборников, выходящих по следам конференций в Музее-усадебке М. И. Глинки в Новоспасском.

их отличали повышенная преданность императору, особое чувство патриотизма и готовность немедленно вступить на военную службу, что сохранялось и в XIX веке.

В мирное время смоленские помещики занимались хлебопашеством и скотоводством. Глинка развивали свои хозяйства с усердием и добивались хороших результатов. Сохранились свидетельства, что из имений Глинок отправляли домашнее варенье, коврижки, сыры и живность ко двору Екатерины II, которой нравились глинкинские яства.

В Смоленской губернии дворяне жили по установленному в петровской столице распорядку. Вслед за новогодними праздниками следовала череда балов и маскарадов. После масленичных гуляний наступал Великий пост, когда все публичные представления запрещались. Театральные развлечения заменялись концертами. Однако музыкальная жизнь в этих местах была довольно бедной. Музыкальными талантами жители, как они сами считали, не обладали²⁸. Пограничное расположение Смоленска рождало ощущение края России, оттого и называли эти места с дворянскими усадьбами «глушью».

К XIX веку род Глинок был хорошо известен и распространен. Фамилия часто встречалась на страницах прессы, в переписке и литературных источниках. Чтобы не запутаться в многочисленных Глинках, корреспонденты могли в письмах рядом с их фамилией указывать род занятий того, о ком шла речь. Например, когда писали о герое нашей книги, то указывали – музыкант.

В XIX веке этот род прославили не только военные, но и люди творческих профессий и интеллектуалы. Пятиуродными братьями Михаила Ивановича были известные литераторы, представители другой ветви рода – из Духовщинского уезда. Известный писатель и издатель Сергей Николаевич (1776–1847) занимался также сочинением либретто для опер, которые часто шли на русской сцене. Федор Николаевич (1786–1880) прославился «Письмами русского офицера», в которых он рассказывал об Отечественной войне 1812 года. Его супруга Авдотья Павловна (1795–1863) принадлежала к первым русским женщинам-интеллектуалкам: она переводила немецких романтиков, а также занималась написанием духовной литературы. Хотя прямых свидетельств о личном общении будущего композитора с прославленными братьями не сохранилось, он, безусловно, знал их и читал их труды.

Старое имение

Долгое время о родителях и близких родственниках Михаила Ивановича сообщалось кратко. Их роль в жизнеописаниях композитора была минимальной. Один из мифов о Глинке гласил: он был самородком, творившим вопреки обстоятельствам. Родившись в глуши, он, казалось бы, не имел никаких культурных и интеллектуальных оснований для выбора композиторского пути, в отличие от европейских гениев. Например, Иоганн Себастьян Бах, Вольфганг Амадей Моцарт, Людвиг ван Бетховен – все они родились в музыкальных семьях, где занятие музыкой считалось главным ремеслом рода. Музыкальные впечатления и профессиональные музыканты окружали их с рождения.

Однако факты, открытые в последнее время смоленскими краеведами, собранные буквально по крупицам в архивах, развенчивают этот миф. Весь образ жизни родителей и близких родственников композитора создавал «почву» для его выдающейся музыкальной судьбы.

Имение Новоспасское, в котором родился Глинка, основал его дед – Николай Алексеевич (1735/36—1805). Он принадлежал к состоятельным помещикам, образующим прослойку дворян со средним уровнем дохода. Он владел многими землями на Смоленщине, и к 1792 году ему принадлежало 1207 душ. Но и семья его была большой. В браке с Феклой Александров-

²⁸ Об этом писал музыкант И. В. Романус в «Северной пчеле». См.: Романус И. В. Приезд М. И. Глинки в Смоленск (Из письма к издателям) // Северная пчела. 1848. № 54. 12 февраля, четверг. Стб. 154.

ной, урожденной Соколовской (1747–1809), у них родились 12 детей²⁹. Все нажитое он делил между наследниками. Примерно в начале 1780-х годов, после появления младшего ребенка, отца композитора Ивана Николаевича, он переехал на новое место – в Новоспасское³⁰. Здесь он начал строительство новой дворянской усадьбы.

Имение было большое, протяженностью примерно 21 километр (20 верст) и почти доходило до города Ельни. Но для решения насущных вопросов, например постройки новой церкви, нужно было ездить в губернский центр Смоленск, более чем за 128 километров. Дорога занимала примерно сутки.

Любые передвижения были связаны с погодными условиями. Весной и осенью обычно наступала распутица, а значит, выехать из Новоспасского было трудно или невозможно. Сезонное состояние дорог вносило устойчивый ритм в деятельность Глинок, в том числе и Михаила Ивановича.

Дед заработал репутацию честного и рассудительного человека. После военной службы он в 1780-е годы был выбран заседателем верхнего земского суда Департамента Смоленского наместничества, где рассматривал уголовные и гражданские дела дворян. После переезда в Новоспасское его избирают предводителем дворянства Ельнинского уезда, к которому относилось тогда имение.

Хозяйственные дела и доходы его мало интересовали. Его помыслы были обращены к Богу: он отличался страстной верой и любовью к колокольным звонам. Однако ближайший храм располагался в восьми километрах от Новоспасского, в имении родственников Шмаково.

Дед писал в Святейший синод: Новоспасское «от приходского села Шмакова состоит в дальнем расстоянии, и к тому же за двумя реками Десной и Стряною, и притом за грязями и болотами по тракту в проезде к приходской церкви находящимися. В весенние и осенние и другие непогодливые времена бывает немалая трудность и неудобство, почему... лишаясь слышания славословия Божия»³¹. Он просил у Синода разрешение на постройку своей церкви, которое вскоре было получено. Для благочестивого обустройства храма он ездил в Тихвин, в Успенский мужской монастырь и снял мерку с явленного там чудотворного образа Тихвинской Божией Матери. Заказал такой же величины образ в богатой ризе и пристроил вверху своей церкви придел, посвященный Тихвинской иконе Божией Матери. Строительство шло быстро, и в 1786 году храм во имя Преображения Господня был освящен.

Церковь во времена деда являлась центром усадьбы: с нее начинался и здесь заканчивался земной путь всех обитателей имения, с ней были связаны все важные семейные события – крещение детей (в том числе Михаила, которого крестили 21 мая, как и полагается, на следующий день после рождения), венчания³².

Заботы об огромном хозяйстве и многочисленных детях легли на плечи Феклы Александровны, бабушки будущего композитора. К своим тридцати годам она научилась успешному управлению и заслужила репутацию благочестивой, рассудительной и расчетливой барыни. Свое религиозное рвение она передавала детям и внукам, в том числе маленькому Мише. Но в исторической памяти новоспасских Глинок она осталась как женщина властолюбивая и жесткая.

²⁹ Письма Евгении Андреевны Глинки / Вступ. ст., подг. текста и коммент. Н. В. Деверилиной. М: ГЦММК им. М. И. Глинки. М.: Дека-ВС, 2004. С. 4. (Далее – Письма Е. А. Глинки.)

³⁰ В этом селе в 1780 году проживали 59 крестьян.

³¹ Цит. по: Письма Е. А. Глинки. С. 72.

³² Сейчас около храма сохранились захоронения родителей композитора – Ивана Николаевича и Евгении Андреевны, брата по линии отца Луки Николаевича (1768–1826), а также сестры композитора Пелагеи Ивановны Соболевской.

Украденная невеста и разборные мосты

Отец композитора Иван Николаевич (1777–1834)³³, младший сын в семье, отличался практичностью и деловой хваткой, унаследованными от матери Феклы Александровны. Согласно существующей практике, он, малолетним ребенком, был приписан к лейб-гвардии Измайловскому полку. Вышел в отставку в 1801 году и занялся управлением имения. Он получил Новоспасское по наследству после смерти Николая Алексеевича, своего отца (то есть дедушки композитора) 29 июня 1805 года³⁴. Условием его вступления в наследство было сохранение главенства матери в ведении дел. Глинка, как и другие семьи, беспрекословно соблюдали иерархию – младшие подчинялись старшим³⁵. Постепенно он учился у нее ведению дел и проявлял желание приумножать доходы, чем радовал мать.

Фекла Александровна, по-видимому, души не чаяла в младшем сыне. Она заботилась о его счастье, что доказывает и ее невероятное участие в обустройстве его семейной жизни.

Любовная история Ивана и матери Михаила Ивановича – Евгении похожа на французский роман или оперу эпохи классицизма, в которой сталкиваются чувства и долг. Их любовь превратилась в еще одну легенду, сохраняемую в родовой памяти Глинок.

Новоспасские Глинка часто ездили к родственникам в роскошное имение Шмаково. Огромный дом с сорока покоями, просторный зал, где давались театральные представления и балы, анфилада комнат и большая фамильная портретная галерея, украшавшая стены, – все это вызывало восхищение новоспасских Глинок и окружающих помещиков. Регулярный парк террасами спускался к реке Стрянке. Переливался каскад прудов. Искрилось на солнце множество фонтанов. На прудах гости отдыхали в беседках, расположенных на искусственных островках³⁶. В этой роскошной обстановке, в окружении садов, оранжерей, под звуки французской музыки Иван общался с приветливой девицей Евгенией Андреевной Глинкой (1783–1851), приходившейся ему троюродной сестрой³⁷. Эта ветвь рода происходила из местечка Лучеса Смоленской губернии, которое передавалось из поколения в поколение. Когда Евгении было восемь лет, оба родителя скончались³⁸, заботы о семье взял на себя ее старший брат – двадцатилетний Афанасий Андреевич (1772–1825)³⁹. Так Евгения стала жить в Шмакове.

Иван и Евгения полюбили друг друга. Возможно, под одним из многовековых дубов, которые сохранились и сегодня, он открыл ей свои чувства. Но влюбленные должны были подчиниться правилам. Ближайшие родственники – а троюродное родство считалось близким – не могли вступать в брак. Однако прецеденты подобных браков случались, особенно часто в Смоленской губернии. Шляхта издавна предпочитала заключать браки в узком сословном кругу, это привело к тому, что через несколько поколений большинство смоленских дворян состояли

³³ Год рождения отца принимается по дате на надгробном памятнике у церкви в Новоспасском. Архивных документов, подтверждающих ее, пока не найдено.

³⁴ Дата уточнена по новым архивным данным.

³⁵ Об этом см.: *Шокарева А.* Дворянская семья: Культура общения: Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (Культура повседневности). С. 172.

³⁶ Усадьба не сохранилась. Подробнее см.: *Деверилина Н. В., Королева Т. К.* «Я открою вам сердце мое»: 200-летию со дня рождения М. И. Глинки посвящается. Смоленск: Смядынь, 2001. С. 63–73.

³⁷ Ее отец ротмистр Андрей Михайлович Глинка (1725 (?) – 1791) обустроивал усадьбу в Лучесе, где построил храм во имя иконы Казанской Божией Матери. Ему принадлежали деревни с примерно восьмьюстами душами и более 1648 десятинами земли (примерно 1800 гектаров).

³⁸ Точные даты их смерти не установлены. Во время Великой Отечественной войны были утрачены архивные документы с метрическими книгами Смоленского уезда.

³⁹ В браке у него не было детей. Его жена Елизавета Петровна стала крестной матерью Михаила Ивановича. О ней композитор будет часто спрашивать у матушки в письмах.

в той или иной степени родства. Вот и на этот раз духовное ведомство выдало разрешение на брак Ивану и Евгении. Но против их венчания выступил брат Афанасий Андреевич.

Иван с родителями несколько раз ездил свататься, но каждый раз слышал от опекуна: «Нет, нет и нет».

Можно лишь предполагать, чем руководствовался Афанасий в своих отказах.

На Смоленщине еще не забыли громкую историю о тридцати шести браках, признанных незаконными⁴⁰. Судебные разбирательства шли в течение двадцати лет и отравляли существование многим дворянским семьям, лишая кого-то наследства, а кого-то фамилии. Опекун не желал столь плачевной участи любимой сестре.

Вероятно, брат считал, что Иван Николаевич при всех его достоинствах – остром уме, приятном нраве и веселом характере – не пара Евгении. Глинка из Лучесы считали себя более образованными, обеспеченными и находящимися выше по статусу. Они любили искусства, играли на музыкальных инструментах, устраивали балы. Особую гордость вызывал крепостной оркестр отца, который затем перешел в имение Афанасия в Шмаково. Именно этот оркестр будет восхищать Михаила, о чем речь пойдет позже. Видимо, Глинка из Лучесы и Шмакова равнялись на богатые имения Смоленщины, задававшие моду в этих краях – на усадьбы Паниных, Шереметевых, Лобановых-Ростовских, Голицыных, Барышниковых.

Фекла Александровна, в свою очередь, понимала, что Евгения – хороший выбор сына. Она рассуждала прагматично: родственный брак сможет объединить и укрепить глинкинские владения. Именно она, склонная к рискованным поступкам, и решила устроить похищение невесты. Влюбленные поддержали план. Хотя любовные побег были нередкими «забавами» среди дворянства (вспомним «Метель» А. С. Пушкина или «Войну и мир» Л. Н. Толстого), но все же случай Глинок оказался исключительным и был вписан в летопись этого края.

Вот как разворачивались события согласно семейной легенде.

В условленный день рано утром Евгения надела лучшее белое платье и вышла к карете, где ее ожидали жених со свекровью. Свое будничное платье она оставила на берегу шмаковского озера. За каретой влюбленных следовали верховые, которые разобрали мост по дороге и выстроили новую переправу через Десну. Но в Шмакове ничего не подозревали о происходящем. Девушку позвали к утреннему чаю в 9 утра, но оказалось, что ее в доме нет. Начались поиски. Побежали к озеру и около водоема нашли ее одежду.

Афанасий решил, что она утонула. Баграми и сетью пытались отыскать ее тело в озере. Все это заняло много времени.

Легенда гласила, что на правильный путь их направил мельник, который иносказательно заметил:

– Нечего вам здесь в озере искать – рыбка далеко уплыла!

Брат догадался о похищении и отправил людей в погоню до Новоспасского. Но было уже поздно. 30 мая 1802 года влюбленные – Ивану было около двадцати пяти, а Евгении – 19 лет – обвенчались в отстроенной дедом церкви.

Бабушка долго пыталась помириться с опекуном, которому ничего другого не оставалось, как в конце концов согласиться на уговоры почтенной пожилой родственницы.

Родственники вспоминали, что Евгения и Иван сохранили на протяжении всей жизни нежные отношения. Они воплощали идеал дворянской семьи XIX века, который описывался в одном из руководств того времени: «Каждый муж должен видеть в жене своей лучшего друга

⁴⁰ Громкое дело началось с жалобы помещика Петра Азанчеева в 1726 году, в которой он обвинял вдовца князя Михаила Друцкого-Соколинского в похищении своей дочери и в незаконном с ней сожительстве. Друцкие-Соколинские приходились Глинкам родственниками. Подробнее см.: *Сахаров И. В.* О функционировании брачного права Русской православной церкви, относящегося к бракам между родственниками: насколько оно соблюдалось на практике в синодальный период ее истории? – <http://nlr.ru/nlr/div/genealogy/school/2a.pdf>.

своей жизни, а потому и уважать права ее как женщины, чтить образ мыслей ее, быть строгим исполнителем ее невинных и благоразумных желаний и блюстителем ее чести»⁴¹.

В их счастливом браке родились 13 детей, что даже по меркам того времени считалось выше среднестатистической нормы. Вслед за Алексеем, родившимся через год после свадьбы, появились погодки Михаил и Пелагея. С 1809-го в течение трех лет родились Наталья, Елизавета и Иван. После войны 1812 года появились на свет Мария, Евгений и Людмила, ставшая в конце жизни близким другом композитора. После отъезда Михаила из Новоспасского в семье родились Екатерина, Николай и Андрей. Последний ребенок Ольга появилась на свет 29 января 1825 года, когда матери было около сорока двух лет⁴². Но неизлечимые болезни и инфекции в то время часто уносили жизни, особенно детей. Родителей пережили только четверо – Михаил, Мария, Людмила и Ольга⁴³.

Бабушкин воспитанник

14 сентября 1804 года, через четыре месяца после рождения Миши, умер первенец молодожен Алексей⁴⁴. Бабушка, полновластная хозяйка, приняла решение забрать второго ребенка у неопытной матери и самой воспитывать внука. По-видимому, именно в это время и возник в восприятии молодожен отрицательный портрет бабушки. Он запомнился потомкам по рассказам горящей Евгении Андреевны, которой казалось, что она фактически потеряла обоих сыновей⁴⁵. Позже сестра Людмила вспоминала, сочувствуя матери: «Ужасное было положение родителей того времени»⁴⁶. Так складывался миф о страданиях молодой четы и в глубинной памяти рода хранился миф о злой и несправедливой бабушке.

Однако факты повседневной реальности тех дней позволяют снять лишний пафос трагизма, окутавший семейную историю. Фекла Александровна и молодые продолжали жить в одном небольшом доме (об этом свидетельствует сохранившийся до нашего времени фундамент строения). К тому времени он еще не был перестроен. Бабушка лишь перенесла младенца на свою половину, и, гипотетически, мать могла видеть сына каждый день. Но, видимо, Фекла Александровна, как старшая в семействе, могла установить ограничения, по которым Евгения Андреевна не могла входить к свекрови в любое время без разрешения.

Михаил Иванович вспоминал в «Записках», очевидно, пересказывая рассказы матери и крепостных, что его держали в сильно натопленной комнате, одевали в шубку, поили на ночь чаем со сливками и сахаром, кормили кренделями и бубликами. На улицу не выпускали до наступления теплой весны.

Позже было принято считать, что именно бабушка вырастила тепличного ребенка, всю жизнь страдающего болезнями. По крайней мере, эта причинно-следственная связь между первым воспитанием и последующими заболеваниями прочно установилась в сознании самого композитора. Собственное самочувствие станет одной из главных тем в его жизни. По значимости и количеству внимания она будет конкурировать даже с музыкой. О болезнях Михаила Ивановича поговорим позже.

⁴¹ Шокарева А. Указ. соч. С. 13.

⁴² Все даты рождения детей Глинок: Алексей – 1803 год, Михаил – 1804-й, Пелагея – 1805-й, Наталья – 1809-й, Елизавета – 1810-й, Иван – 1811-й, Мария – 1813-й, Евгений – 1815-й, Людмила – 1816-й, Екатерина – 1819-й, Николай – 1822-й, Андрей – 1823-й, Ольга – 1825-й.

⁴³ Первенец Алексей умер в 1804 году, Иван – в 1813-м, Екатерина – в 1821-м, Николай – в 1823-м, Пелагея – в 1828-м, Евгений – в 1834-м, Андрей – в 1839-м, Наталья – в 1849-м, Елизавета – в 1850-м.

⁴⁴ Родился 8 марта 1803 года и умер 14 сентября 1804-го.

⁴⁵ Родителям, воспитанным на европейских нормах, многое не нравилось в Фекле Александровне. Они считали, например, недопустимым ее грубое, как им казалось, обращение с крепостными. Это восприятие транслировали и дети Глинок, например Людмила, в замужестве Шестакова, в своих воспоминаниях.

⁴⁶ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинка и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. С. 32.

Если взглянуть на эту ситуацию беспристрастно, то поступок бабушки имеет свои объяснения. Ограждение от внешнего мира являлось вынужденной мерой, так как эпидемии неизлечимых тогда болезней, например кори и дифтерии, уносили жизни многих младенцев. А в натопленной комнате, о которой вспоминал Михаил Иванович, температура достигала не более 25 градусов по Цельсию, что соответствует сегодняшней норме в педиатрии.

Бабушка старалась уберечь младенца, родившегося слабеньким с врожденными заболеваниями. Самоотверженность, с которой Фекла Александровна, сама болеющая в последние годы жизни, ухаживала за ним, вызывает уважение. Видимо, ее усилия по спасению наследника имеют след в ее собственной судьбе. Она потеряла двоих сыновей в раннем возрасте, и их также звали Алексеем и Михаилом.

Но в целом ранние годы жизни Миши были похожи на детство многих дворянских младенцев, с тем счастливым отличием, что его любили и баловали. У него были кормилица Татьяна Карповна и нянька Авдотья Ивановна, молодая, веселая женщина, которая, как и полагалось, знала множество народных песен, прибауток, сказок. Мишу постоянно развлекали крепостные: пели песни, устраивали игры и танцы (что, согласно современным представлениям о воспитании детей, могло также благоприятно сказаться на развитии его талантов).

Авдотья Ивановна позже рассказывала Людмиле Шестаковой, поддерживая миф о «злодействах» бабушки:

– Страшное наше житье тогда было; я боялась вашу бабушку, как огня: как заслышу ее голос, так хоть бы провалиться!

Надо заметить, что боязнь крепостных девушек старших барынь была распространенной.

Часто бабушка делала замечания вот по какому поводу: «Когда бабушка заметит, что Михаил Иванович скучен или не совсем здоров, сейчас крикнет:

– Авдотья, рассказывай сказки и пой!

И барчук, как звали мы его, всегда был доволен этим!»⁴⁷

В раннем возрасте Миша отличался от сверстников отличной памятью, быстрым овладением новыми навыками, стремлением к обучению и способностями к рисованию. Еще при жизни бабушки, по-видимому, когда ему было около четырех лет, он научился читать церковные книги на церковнославянском языке с титлами, которые в основном и водились в доме, по крайней мере на бабушкиной половине. Его учил священник дедушкиного храма Иоанн Станиславский, крестивший мальчика и фактически ставший членом семьи⁴⁸. Как гласила семейная легенда, ребенок уже через несколько дней занятий радовал бабушку декламацией священных текстов. Сейчас, правда, сложно сказать – действительно ли он читал или восстанавливал много раз слышанный текст по памяти, как делают многие дети в раннем возрасте. Церковные службы поражали его воображение. Он любил рисовать храмы мелом на полу.

В воспоминаниях родственников этот детский период жизни будущего гения обрастает очередными легендами, формируя еще один миф – о Глинке как о сошедшем на землю ангеле, и этот идеальный детский образ будет часто «деформировать» представления о реальной фигуре Михаила Ивановича.

Абсолютный слух и музыкальные способности мальчика, видимо, тоже проявились в возрасте четырех-пяти лет. Как и дед, он любил колокольный звон. Разложив медные тазы, он ударял по ним, передавая интонации колоколов Новоспасской церкви. Во время болезни для развлечения ему приносили малые колокола.

⁴⁷ Шестакова Л. И. Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. С. 32.

⁴⁸ Его роль в сохранении имени во время войны 1812 года будет значительной, о чем последует рассказ ниже.

Усадьба как образ мироздания

6 октября 1809 года Фекла Александровна умерла. Иван начал грандиозную перестройку усадьбы, о которой мечтал с момента женитьбы. С невероятной скоростью, всего за пять лет, Новоспасское кардинально изменило облик.

Перестройка символизирует разрыв с прошлой жизнью и прежними нравами XVIII века, которые люди нового, XIX века часто оценивали в негативном ключе. Барские замашки бабушки теперь вызвали стыд и неприязнь. В этом считается вечный конфликт «отцов и детей».

Сегодня мы можем в некоторой степени судить о столкновении двух миров, сопоставляя семейные портреты. Изображение XVIII века Феклы Александровны исполнено еще в традиции, близкой к парсуне XVII века: преобладают плоские формы, не соблюдены верные пропорции, тело наглухо закрыто рюшами одежды. Портреты родителей относятся к новой эпохе, начатой художниками Федором Рокотовым и Дмитрием Левицким. На них, будто покрытых легкой дымкой, в первую очередь отражено эмоциональное состояние. Лица с утонченными чертами выписаны плавными линиями, с чуть размытыми контурами. Неизвестный автор родительских портретов подчеркивает глубину души через красоту «естественных» юных лиц, которая дарована природой⁴⁹.

Дом, сад, устройство паркового ландшафта – все теперь выражало эстетические и художественные пристрастия молодой четы Глинок. Постройки не просто выполняли утилитарную функцию, как это было раньше, а формировали волшебный, сконструированный мир дворян, их идеальный образ мироздания.

Иван Николаевич и Евгения Андреевна принадлежали к поколению русских людей, воспитанных эпохой Просвещения, но уже ощущавших новый стиль, проявившийся в литературе как сентиментализм. Осуществлялся переход от человека, жившего по внешнему закону, к человеку «внутренне ориентированному»⁵⁰, способному понимать свои эмоции и выражать их через аналогии в природе и искусствах.

Они воспитывались на современной русской литературе, центральное место в которой занимали «Письма русского путешественника» Николая Карамзина (1791), ставшие беспрецедентным источником как для постижения новых эмоциональных моделей, так и для усвоения новых норм русского языка, строящихся на заимствованиях. Русские дворяне превращались в сообщество чувствительных европейцев. Литература оказалась для них главной школой жизни. Восприняв сентиментализм как высокий стиль в его лучших проявлениях в творчестве Карамзина, они с готовностью следовали и нарождавшемуся в России предромантизму в лице поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852). Так, их дочь Людмила была названа в честь героини известной баллады поэта.

Кульм семьи и усадебной жизни, столь характерный для русского сентиментализма и описанный в литературе Жуковского, Батюшкова, Станкевича и Тургенева, в полной мере был свойствен Ивану Николаевичу. Как и многие состоятельные дворяне, он воспринимал имение как райское место, в котором Бог насадил «все деревья»⁵¹.

⁴⁹ Подробнее см.: *Дороченков И.* Становление русской живописи: Портрет XVIII века // Арзамас. Онлайн-университет. – <https://arzamas.academy/materials/1468>.

⁵⁰ Термин Дэвида Ресмана приводится по: *Зорин А.* Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 63.

⁵¹ Как указывал выдающийся культуролог Дмитрий Лихачев, сад считался Эдемом. В эпоху предромантизма и романтизма в садово-парковое искусство проникают история, личные чувства и переживания, семантика эмоционально-ассоциативного ряда (*Лихачев Д.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей: Сад как текст. М.: Типография «Новости», 1998. С. 447).

Чрезвычайно любивший усадьбу отец занялся обустройством имения. Он решил перенести в Новоспасское шмаковскую обстановку, окружавшую мать в девичестве. А Шмаково, которым восхищались соседи, в свою очередь считалось подражанием Версалю.

Следуя «высоким» королевским образцам и стремясь к «хорошему вкусу», изяществу и утонченности, дворяне выстраивали внутри своего сословия иерархию. Искусства, владение крепостным оркестром, обустроенная усадьба – все это помогало подняться выше, отделить себя от «дурного общества» и провинциальности.

В смоленских усадьбах прописались французские изысканные придворные манеры, измененные под нужды среднепоместного русского дворянина. От версальской эстетики в смоленскую усадьбу перешел стиль рококо, с его праздностью и изяществом, с отдыхом на лоне природы и непринужденным музицированием. Орнамент, причудливые изогнутые линии в изгородях, небольшие статуэтки в виде амурчиков и собачек, внимание к мелочам в интерьере – весь этот французский след прочерчивался в Шмакове и Новоспасском.

Новый барский дом, «уменьшенная копия шмаковского»⁵², построен в палладианском стиле, введенном в моду шотландским архитектором Чарлзом Камероном при Екатерине II. Это строгий, лаконичный двухэтажный особняк с флигелями, высокими колоннами, парадным крыльцом, треугольным фронтоном и балконом. С балкона, который мы сегодня назвали бы террасой, открывался вид на реку Десну. В озере, сделанном специально по расчетам архитектора, можно было любоваться отражением фасада дворянского дома.

После войны 1812 года в интерьере усадьбы (и в том числе в гардеробе дворян) утвердилась новая мода – ампир. Центральную залу украшали мебель с изогнутыми ножками, огромная роскошная люстра, шкафы из красного дерева и карельской березы, столовое серебро. Парадный сервиз Глинок, сохранившийся до наших дней, украшен модным растительным орнаментом, видами природы, морской тематикой⁵³. Потолки были расписаны известными московскими мастерами. На первом этаже насчитывалось 17 комнат (с парадной залой) и восемь помещений на втором, где располагались просторные детские спальни, игровые и учебные комнаты⁵⁴. Парадные комнаты украшались бархатными обоями, купленными в Петербурге. Убранство комнат завершалось зеркалами, каминными часами из Австрии, вазами и картинами, которых насчитывалось в доме около тридцати, в том числе фамильные портреты⁵⁵.

Сохранился семейный портрет Глинок того времени: Евгения Андреевна сидит рядом с юными Михаилом и Пелагеей⁵⁶. Она одета в свободное белое платье из легкой ткани с завышенной талией.

Перед домом была разбита огромная клумба с розами всевозможных сортов и окрасок, что было страстью Ивана Николаевича. Он выписывал саженцы, семена и луковицы цветов и редких растений из Риги, Петербурга и из-за границы.

Декоративный сад в Новоспасском простирался на расстояние более шести километров. Называемый в семье «английским», он отражал модную в то время тенденцию – вместе с французским регулярным парком организовывать цветочные пространства, еще называемые пейзажными. Росли многолетние и однолетние цветы, газоны, пролагались гравийные изогнутые тропинки. Кустарники соседствовали с цветами и живыми изгородями.

Не меньшее пространство занимал фруктовый сад, за которым следила Евгения Андреевна. В оранжереях и теплицах, обустройством которых увлекались многие русские дворяне,

⁵² Глинка В. Н. Воспоминания о М. И. Глинке // Советская музыка. 1947. № 1.

⁵³ Сервиз выставлен на экспозиции в Новоспасском.

⁵⁴ Внутренняя организация комнат в доме Глинок соответствовала стандартам помещичьих домов. Подробнее см.: *Короткова М. Путешествие в историю русского быта*. М.: Дрофа, 2006.

⁵⁵ Согласно описи 1860 года.

⁵⁶ Портрет скопирован с маленького изображения на табакерке, которая была подарена отцу в 1817 году.

росли всевозможные фрукты – персики, величина которых доходила до размера кулака, виноград, груши, лимоны, даже ананасы.

На озере был устроен остров с беседкой, куда было можно попасть на ручном пароме. В беседке часто готовились сюрпризы: угощали мороженым, ананасами и виноградом. Катание на лодках сопровождалось музыкой домашнего ансамбля.

Евгения Андреевна занималась хозяйством и приемами гостей. Иван Николаевич, как человек уважаемый, ведущий дела в округе и Петербурге, устраивал вечера. После бала и застолья гости проходили в бильярдную. Велись разговоры о делах, политике и финансах. В карты почти не играли, предпочитая бильярд. В диванной дамы собирались для разговоров и чаепития.

Жизнь в Новоспасском кипела: приезжали родственники и знакомые, постоянно проживали те, кто попал в трудные обстоятельства. Для дворян того времени было делом чести обеспечивать кровом нуждающихся, либо брать на воспитание их детей. У них жили родные сестра и брат отца – вдова Мария Николаевна Зелепуга, потерявшая состояние, и полковник Лука Николаевич, одинокий отставной полковник, а также девушки-сироты Александра Потресова (в замужестве Киприянова, дочь Татьяны Николаевны Потресовой, другой сестры отца), Софья и Екатерина Воеводские.

Около 1811 года родители приютили обедневшую дворянку, вдову землемера Ирину Федоровну Мешкову, ставшую няней детей, проживавших в Новоспасском. Родители говорили, что это «женщина простая и чрезвычайно добрая», что заключало в себе их идеал человека. Она жила с дочерью Катей, которая воспитывалась вместе с родными детьми Глинок⁵⁷.

По-видимому, отношения Миши с няней были довольно доверительными. Ирина Федоровна обучала его житейским премудростям, в том числе искусству флирта. Много позже Михаил Иванович писал сестре: «Несмотря на все объяснения покойной няни нашей, доброй Ирины Федоровны, не выучился я плодить... материю»⁵⁸. Глинка писал не только об умении получать материальные выгоды, но и намекал на отсутствие детей (по крайней мере официальных)⁵⁹.

«Дикое» детство

Пятилетнего Мишу после смерти бабушки перевели в детскую, а позже отвели на втором этаже две отдельные комнаты. Он попадает в новую среду. В своих детях Глинка воспитывали эмоциональность и чувствительность, главные добродетели жизни, по их мнению.

Противоположности наполняли мир мальчика: утонченные искусства соседствовали с необразованными крестьянами и фольклором. Обучение хорошим манерам сочеталось с деревенской свободой. Дядя Афанасий и его брат Иван (1777–1857), ставшие близкими для семьи Глинок, увлекли новым хобби – разведением птиц, таким же модным тогда среди русской аристократии, как сегодня содержание комнатных собачек экзотических пород. Интеллектуалы, восхищаясь пернатыми, сравнивали их пение со свободным искусством. Как писал один из талантливых поэтов 1820-х годов Дмитрий Веневитинов в философском стихотворении «Я чувствую, во мне горит...»:

Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,
Когда на доли ляжет тень,

⁵⁷ На протяжении всей жизни Михаил помнил о Екатерине. Ко дню рождения передавал через сестер деньги на подарок. Екатерина Степановна Мешкова затем жила у сестры Михаила – Марии (в замужестве Стунеевой) при ее детях.

⁵⁸ М. И. Глинка – Л. И. Шестаковой. 26/14 ноября 1856 года. Берлин // *Глинка М. И.* ПСС. Т. 2 (б). С. 180.

⁵⁹ Внучка И. Ф. Мешковой будет прислуживать у Глинок в Петербурге. Он ей оказывал недвусмысленные знаки внимания.

Уныло вечер воспекает
И утром весело встречает
В румянном небе светлый день.

Птицам обустроили вольер в одной из Мишиных комнат. Он садился напротив них в кресле и слушал трели. Позже, юношей, он брал в руки скрипку и подыгрывал им. Это хобби сопровождало Глинку на протяжении всей жизни – снимая квартиры в Петербурге и за границей, он часто отгораживал сеткой пространство, где расставлялись коряги, кадки с деревьями и заселялись пернатые жители. По-видимому, птицы выполняли функцию арт-терапии. Звуки природы и сегодня широко используются для успокоения и обретения внутренней гармонии.

Имение как бизнес

Содержание имения и постоянно растущая семья требовали от Ивана Николаевича увеличения доходов, чем он и занимался с большим энтузиазмом. Он обладал способностями к ведению дел, или, по сегодняшней терминологии, к бизнесу. Он чувствовал свою выгоду, отличался честностью, порядочностью и настойчивостью в отстаивании собственных прав. Последнее качество было особенно ценным, так как способы обогащения среди помещиков часто строились на клевете и обмане. Иван Николаевич со временем хорошо зарекомендовал себя в Петербурге и находил там богатых партнеров. Он получал прибыль от инвестирования средств в выгодные предприятия, не боялся брать в долг, закладывать имения, объединяться с компаньонами для получения первоначального капитала. И всякий раз он возвращал одолженные деньги и оставался в выигрыше.

Воспоминания об Иване Глинке опубликовал его друг, земляк и помощник в юридических делах Андрей Андреевич Ивановский (1791–1848). Чиновник, литератор, один из тех, кто спас от уничтожения дела декабристов и хлопотал об освобождении арестованного Александра Грибоедова, писал о нем: «...с живым, приветливым и откровенным характером, он соединял верный и образованный ум, неутомимую деятельность и строгие правила чести. Неизменно был нежнейшим семьянином, лучшим другом и полезнейшим гражданином. Везде, где требовались жертвы для общей и частной пользы, он всегда являлся в главе человечества. С редким умением отыскивал он безвестные таланты и со всею заботливостью, самым лестным образом поощрял их и давал им ход», «он умел радовать и возвышать все его окружавшее, все, до чего ни касался». Ивановский называл Новоспасское образцовым имением, даже превосходящим по роскоши Петербургские дачи – «верх совершенства, очарование, рай земной»⁶⁰.

С XVIII века в России быстрым способом накопления капиталов были винные откупы, на основе которых образовывались крупные состояния (например, купцов Яковлевых, Злобиных, Кокоревых и аристократических семей Долгоруких, Гагариных, Куракиных)⁶¹. Иван Глинка, как и многие дворяне, участвовал в них. Ежегодно государство проводило своего рода тендер: все, желающие торговать спиртными напитками, съезжались в губернский центр на «откупные торги». Тот, кто обещал государству наибольший процент от выручки, и получал право торговли. В 1811 году Глинка вместе с другими компаньонами взял на себя питейные откупы в Белом, Дорогобуже, Духовщине и Ельне сроком по 1815 год⁶². Иван Николаевич держал винокурный завод в деревне Шатьково Ельнинского уезда, который приносил хороший

⁶⁰ Отрывки из заметок и впечатлений во время путешествия по России А. А. Ив-го // Северная пчела. 1845. № 55. 11 марта, четверг. Стб. 218–220.

⁶¹ С 1759 года дворянам предоставлялось исключительное право варить вино.

⁶² Отрывки из заметок и впечатлений во время путешествия по России А. А. Ив-го // Северная пчела. 1845. № 55. 11 марта, четверг. Стб. 219.

доход. Производительность его завода была намного выше соседских⁶³. Глинка держал также собственный конный завод. Он успешно занимался продажей пшеницы, овса, ржи и льна.

В Новоспасском ткали ковры, плели кружева, шили, вышивали, работали портные, башмачники, маляры, слесари, столяры. Только на территории имения проживали более ста человек⁶⁴. Продукты были собственного производства – от муки до мороженого. Производилось и заготавливалось все в таких количествах, что рассылалось многочисленным родственникам и друзьям. Домашними заготовками на зиму занималась Евгения Андреевна, как и положено хозяйке XIX века.

Имение постоянно расширялось. Отец покупал новые земли, владел деревнями в Шатькове, Шуярове, Баранце, Проверженке, Сазоновом, Буде, Починке, имел дом в Ельне.

«Музыка – душа моя»

Европеизация и воспитание нового русского человека – чувственного с «нежным сердцем» и «прекрасной душой», – у Глинок происходило не столько под влиянием литературы, сколько посредством воздействия музыки. Хорошо известны описания их музыкальных увлечений, а вот о чтении или о библиотеке осталось мало сведений.

С начала XIX века в России наступает музыкальная «лихорадка», изумляющая даже европейцев.

Французский композитор Адан еще в 1830 году сообщал французскому читателю: «Во Франции серьезному человеку поставили бы почти в упрек успешные занятия искусством. В России же музыкальное совершенствование почитается. Здесь говорят на трех или четырех языках и хорошо играют на музыкальных инструментах, и на это в свете почти не обращают внимания»⁶⁵.

Критик Фаддей Венедиктович Булгарин указывал: «...не только у каждого семейного чиновника, но даже у каждого ремесленника дочери учатся играть на фортепиано». Музыка стала частью обязательного домашнего образования. Делом чести считалось содержание крепостной капеллы, то есть хора, театра или оркестра, в котором крепостные играли на европейских инструментах – скрипках, виолончелях, гобоях, фаготах, валторнах и всех инструментах, входящих и сегодня в академические оркестры. Семья Глинок не только следовала этой моде, но испытывала искреннюю страсть к музыке. Скорее всего, оба родителя владели нотной грамотой, пели и играли на музыкальных инструментах.

«Музыка – душа моя», – неоднократно говорил Михаил Иванович. Подобный оборот, обращенный к такому важному понятию для XIX века, как душа, часто встречался в эту эпоху⁶⁶. Этот же девиз можно было бы отнести ко всей ветви рода Глинок, к которой композитор принадлежал. Большую роль в музыкальном воспитании юного Мишеля (как на французский манер называли его родственники) сыграли его дяди по материнской линии – Иван и Афанасий. Оба отличались прекрасным слухом, хорошими навыками игры на фортепиано, музыкальным вкусом и знаниями.

⁶³ В 1813 году здесь было выкурено 11 тысяч ведер вина, а в имении Ельнинского уезда П. П. Пассека – 3 тысячи ведер, в селе Шмакове у брата Евгении Андреевны, Афанасия, – 3,5 тысячи ведер. А в 1829 году Иван Николаевич поставил в Ельню уже 19,5 тысячи ведер.

⁶⁴ В усадьбе имелось множество построек: четырехкомнатный флигель для приезжих, кухонный флигель, господская баня, ледник, слесарная изба, флигель столярный и колесный, маслобойня, каретный сарай, конюшня, скотный двор, мельница, сукновальня.

⁶⁵ *Грицынова А. П.* Музыкальный Петербург 1840 года в восприятии композитора-иностранца // Петербург. XIX век: Ученые, писатели, критики, художники о музыке и музыкантах: Тезисы докладов научной конференции. Санкт-Петербург, 24–25 октября 2016 года. С. 13.

⁶⁶ Так, Федор Петрович Львов, один из директоров Придворной певческой капеллы, писал: «Пение есть душа... музыки» (*Львов Ф. П.* О пении в России. СПб., 1834. С. 3).

В Шмакове содержался крепостной оркестр, аналог современного камерного оркестра (около двадцати пяти человек), исполняющий «серьезную» музыку. Афанасий Андреевич также имел крепостной театр с труппой актеров и танцоров. Глинки утверждали, что крепостные во времена деда обучались французскими маэстро. Афанасий Андреевич часто отправлял своих подопечных учиться в Петербург. В Шмакове давались отрывки из популярных опер, постоянно звучала инструментальная музыка. В разных комнатах размещались фортепиано, рояли и арфа, на которой играла одна из сестер матери. Оркестр и театральная труппа славились в окрестностях, где было не более четырех-пяти подобных «предприятий». Даже после войны 1812 года, принесшей сильное разорение смолянским дворянам, дядя не отказался от своего роскошного увлечения. Содержание труппы было делом чрезвычайно затратным. Вероятно, именно траты на театр и оркестр привели Афанасия Андреевича к большим долгам. После его кончины Шмаково было продано за долги, но в конце концов вернулось к его брату Ивану Андреевичу⁶⁷.

Шмаковских музыкантов юный Мишель слышал постоянно, их часто «брали напрокат» в Новоспасское, например, во время длительных новогодних празднеств. День ангела матери праздновался 24 декабря, а день ангела отца 7 января. На все это время в Новоспасское приезжали родственники. Число гостей доходило до ста человек.

В Новоспасском, как и в Шмакове, постоянно звучала музыка. Но в доме отца оркестр был небольшим, примерно из двенадцати человек, преимущественно игравших на духовых инструментах. По разным свидетельствам, оркестр был следующего состава: два фагота, две валторны, два кларнета, две флейты, два гобоя, вероятно, и струнные инструменты⁶⁸. В Новоспасском стояли два рояля и фортепиано. Лучший рояль известной марки «Тишнер», за который отец выложил немалую сумму денег, стоял в парадной зале и использовался во время балов. Другой рояль мог принадлежать фирме «Вирт». Именно эти инструменты чаще всего приобретались для гостиных русского дворянства.

В залах Шмакова и Новоспасского устраивались балы с обязательными для того времени танцами – экосезами, кадрилиями, матрадурами⁶⁹. Затем, следуя моде, танцевали вальсы. Вечерами пели романсы, играли квартеты и увертюры из известных в те времена опер. Репертуар в основном состоял из музыки популярных тогда французских композиторов – Андре Гретри, Франсуа Буальдьё (служил придворным капельмейстером во французском театре Санкт-Петербурга с 1804 года), Луиджи Керубини⁷⁰, Родольфа Крейцера⁷¹ и Этьена Мегюля⁷². В их операх ценилось драматическое действие, разбавленное изящными музыкальными безделушками и пикантными подробностями. Сегодня их имена, как и их музыка, практически полностью забыты.

Дяди Афанасий Андреевич и Иван Андреевич следили за музыкальной модой и наверняка знакомили смоленских помещиков с операми итальянцев, работающих в Петербурге, – Карло Каноббио, Висенте Мартин-и-Солера, Катерино Кавоса (с ним Михаил Иванович будет

⁶⁷ После смерти Афанасия имение выкупил сенатор В. В. Энгельгардт, по-видимому, с подачи Ивана Андреевича Глинки, его управляющего. Впоследствии наследники Энгельгардта передали ему Шмаково в счет доли наследства, полученного от сенатора.

⁶⁸ Людмила Шестакова писала, что струнных не было (*Шестакова Л. И.* Былое М. И. Глинки и его родителей // Глинка в воспоминаниях современников. С. 45). Хотя прислуга Глинки, братья Нетоевы играли на струнных и обучались в Петербурге во время сопровождения барина.

⁶⁹ Матрадур (матрадура) – старинный парный танец, похожий на шотландский танец экосез, вышел из моды в 1820-х годах.

⁷⁰ *Луиджи Керубини* (1760–1842) – композитор. Итальянец по происхождению, он развивал французскую оперу. Создатель жанра «опера спасения». Один из основателей Парижской консерватории.

⁷¹ *Родольф Крейцер* (1766–1831) – французский скрипач и композитор, известен в русской культуре по повести Льва Толстого «Крейцерова соната».

⁷² *Этьен Мегюль* (1763–1817) – французский композитор. Разрабатывал жанр французской комической оперы. Являлся инициатором создания Национального музыкального института в Париже.

впоследствии работать над постановкой своей первой оперы). В салонах звучали «Российские песни для фортепиано» Осипа Антоновича Козловского, народные песни для голоса с фортепиано Льва Степановича Гурилева (сборник издан в 1802 году). После Отечественной войны 1812 года в моду вошла патриотическая тема: издавались военные сочинения Павла Долгорукова, Даниила Кашина, Степана Давыдова, Яна Прача⁷³, Дмитрия Бортнянского, Даниеля Штейбельта⁷⁴, Джона Фильда⁷⁵.

Реконструкция повседневной жизни рода Глинок из Новоспасского и Шмакова показывает, что появление одаренного ребенка и последующая его выдающаяся музыкальная судьба были не случайностью. Музыкальные способности Глинки постоянно развивались в музыкальной атмосфере усадеб Глинок. Быт, нравы, увлечения родственников во многом предопределили его дальнейший путь.

Мультикультурализм

Родители, получившие по тем временам хорошее домашнее образование, вероятно, знали иностранные языки. Прямых доказательств тому нет, но ведение дел требовало как минимум умения разговаривать на французском. Вспомним, что Иван Николаевич выписывал из-за границы семена. Помимо французского, они могли знать итальянский. Существуют косвенные доказательства, что родители Глинки путешествовали по Европе. Любимым талисманом, привезенным из Италии, стало Распятие с сюжетом Голгофы и коленопреклоненной фигурой Иоанна Богослова у подножия креста. Оно, вероятно, располагалось в одной из спален родителей. Еще один памятный сувенир – картины с видами Версаля и Ботанического сада (*Jardin des plantes*), которые висели в спальне Евгении Андреевны.

Новоспасские Глинки остро ощущали свою принадлежность к европейскому дворянству. Семейная легенда гласила о существовании французской бабушки, чем гордился Михаил. При этом они подчеркивали и свою «русскость»: писали друг другу письма на русском языке, иногда делая ремарки на французском. Этот естественный симбиоз европейского и русского отражает и сегодня, например, кафедральный собор Смоленска – Успения Пресвятой Богородицы. Его богатое убранство следует барочной европейской традиции и в то же время соответствует канонам православия. Миша воспитывался в мультикультурном регионе, где смешивались культурные традиции – от белорусской, украинской, русской до польской, литовской и немецкой. Русский писатель и этнограф Владимир Даль утверждал, что здесь использовали собственное наречие: «акают» до приторности, говорят «будзь» вместо «будь», «узяувзя» вместо «взялся». Смесь французского с нижегородским, то есть странное смешение различных культур и навыков, о чем писал Грибоедов, отличала и Михаила. Как вспоминал его родственник и друг Петр Александрович Степанов, «он никак не мог очистить своего русского языка от смоленского выговора; так, например, он говорил: бушмак, самывар, пумада».

В сентиментальной культуре русской усадьбы, ориентированной на европейскую моду, роскошь, красоту, была еще одна важная особенность – связь дворянства с крестьянством. Как указывал культуролог Юрий Михайлович Лотман, с детства дворянских детей окружали крестьяне и фольклор. Пушкин писал в «Евгении Онегине»: «Татьяна верила преданьям / Просто-

⁷³ Ян (Иван, Иоанн) Прач (1750–1818) – чех по происхождению, музыкант, живший в России с конца XVIII века. Преподавал фортепиано в Смольном институте, Театральном училище, Воспитательном доме. Создал первую в России «Школу игры на фортепиано» (1816).

⁷⁴ Даниель Штейбельт (1765–1823) – немецкий пианист и композитор. Работал в Париже, Лондоне, гастролировал по Европе. Вошел в историю тем, что в Вене соревновался в виртуозности с Бетховеном и проиграл ему. В Петербурге возглавлял Императорскую оперу, давал частные уроки. У него учился Алексей Верстовский. Опубликовал «Школу фортепианной игры» (1830).

⁷⁵ Музыкальная жизнь этого времени воссоздана по хронологическим таблицам. См.: История русской музыки: В 10 т. Т. 4: 1800–1825. М.: Музыка, 1986. С. 354–406.

народной старины, / И снам, и карточным гаданьям...» Можно вспомнить эпизод из «Войны и мира» Толстого, где Наташа танцует народный танец⁷⁶. Дворяне существовали в двухполюсном мире. «Низовая» культура усваивалась в детстве, а «высокая» книжная культура – во время обучения.

Глинка не представлял своей повседневной жизни без крепостных и слуг. На протяжении всей жизни они всюду его сопровождали. С одной стороны, они воспринимались как представители низшего сословия, с другой – они часто «владели ситуацией» лучше, чем их барин⁷⁷. Глинка участвовал в народных обычаях, которые внедряла в дворянскую жизнь Евгения Андреевна. Будучи подростком, Михаил любил устраивать народные прослушивания – приглашал крестьян петь и танцевать. От развлечений молодого барина страдали любимые клумбы отца, по которым народ водил хороводы. Во время ужинов крепостные играли русские песни, переложённые для духовых инструментов (флейты, кларнеты, валторны и фаготы), то есть они звучали в «европейской» инструменталке.

В конце XVIII века известный деятель Екатерининской эпохи Николай Львов⁷⁸ установил моду на музыкальный русский фольклор. В 1790 году он вместе с Яном Прачом издал сборник народных песен, выдержавший множество переизданий и популярный до середины XIX века⁷⁹. Его известность была связана не в последнюю очередь с утверждением Львова, что корни русской народной песни лежат в греческой традиции. Эта идея была позже востребована у интеллектуалов-романтиков, которые пытались найти свою русскую Античность. Народные песни с XVIII века проникают в «высокое» дворянское искусство: их использовали в операх, романсах и песнях, звучащих в салонах. После Отечественной войны 1812 года наблюдалась ещё большая идеализация крестьянства. В период распространения сентиментализма и особенно европейского романтизма народное творчество приобрело сакральное значение и трактовалось как истина, откровение, исходящее из глубины веков.

Европейская мода соседствовала в доме Глинок с глубочайшей православной верой в Бога⁸⁰. Как и во многих дворянских домах, у Глинок была обустроена молельная комната – образная. Считалось, что расставлять иконы и держать святыни нужно в специальном месте, чтобы не смешивать духовную жизнь со светской. В образной у Глинок размещалось около двадцати икон, особенно почиталась икона Богородицы Одигитрии, украшенная драгоценным окладом⁸¹. Повседневная жизнь дворян часто вступала в противоречие с религиозными предписаниями. Балы, богатые наряды и обильные приемы пищи – во всем этом каялись перед Господом в молельной комнате.

⁷⁶ Ю. М. Лотман писал об особенности русского дворянства, отличающей его от европейца: «Бытовое суеверие, вера в приметы, накладывавшая своеобразный отпечаток “народности” на поведение образованного человека этой эпохи, прекрасно уживались с вольтерьянством или европейским образованием. Вера в приметы была, как известно, свойственна Пушкину. Она вторгалась в психологию тех ситуаций, где человек сталкивался со случайностью, например в карточных играх». Цит. по: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре...

⁷⁷ Подобная ситуация, наверное, была свойственна для многих дворянских обществ. Так, в известном литературном юмористическом сериале «Дживс и Вустер» британский писатель П. Г. Вудхауз показал, как слуга при внешнем соблюдении субординации полностью управляет жизнью своего хозяина.

⁷⁸ Николай Александрович Львов (1753–1803) – один из ярких представителей русского Просвещения. Архитектор, график, историк, поэт, переводчик и музыкант.

⁷⁹ В XVIII веке выходило несколько изданий сборников народных песен, но сборник Львова – Прача оказался наиболее востребованным. Многие из собранных ими песен использовали русские композиторы, а также европейские, например Бетховен.

⁸⁰ В советское время о религиозном воспитании и глубокой вере семьи Глинок умалчивалось.

⁸¹ Чудотворная икона Богородицы Одигитрии была привезена на Русь царевной Анной, дочерью греческого императора Константина Порфирородного. Она являла собой родительское благословение на брак с черниговским князем Всеволодом Ярославичем. Их сын Владимир Мономах перенес икону в Смоленск. Ее установили в 1101 году в отстроенном соборе Успения Богородицы. С этого времени она получила название Смоленской и на многие века превратилась в военно-религиозный символ города.

Евгения Андреевна отличалась особой набожностью. В каждом письме она наставляла детей молиться:

«...мой друг Маша, молись Богу и благодари Создателя за все милосердие к тебе...»;

«...надо Бога благодарить и просить, чтобы ниспослал благодать свою на вас в продолжение всей вашей жизни»⁸²;

«...молись и проси Всевышнего о неоставлении вас [в] делах ваших»⁸³.

Подобные наставления в сложные минуты жизни она посылала и Михаилу⁸⁴. В ответных письмах он сообщал, что усердно молится перед подаренной матушкой иконой и держит материнский образок, сопровождавший его до конца жизни.

Победа над злом

Мирную жизнь нарушило наступление французов под предводительством Наполеона. Отечественная война 1812 года изменила ход истории. Смоленск, как пограничный город, первым встретил нашествие французской армии. После известия о вторжении врага в августе Глинка спешно покинула имение, чтобы успеть перебраться по сухим летним дорогам. Они направились в Орел, куда уезжали многие знакомые и родственники. Брали с собой самое ценное и необходимое, но все равно получилась внушительная процессия из десяти экипажей. Так восьмилетний мальчик впервые покинул усадьбу. Предстояла долгая дорога в 300 километров.

Орел в этот момент стал важной географической точкой. Здесь по приказу главнокомандующего русской армией Михаила Ивановича Кутузова создавался Главный временный госпиталь для больных и раненых. Формировались пехотные батальоны. В город стекались дворяне всех уровней, из столиц и провинции. Ехали из Калуги, Тулы, Москвы и Санкт-Петербурга. В Орле образовалось *bonne société*, то есть высшее общество.

Мужская часть рода Глинок – родные дяди, близкие и дальние родственники Миши – вступили в ополчение. Всеобщее ополчение выросло из невероятного чувства патриотизма, которое, безусловно, разделяли и Глинка. Образ французов представлял как образ абсолютного зла – «зло, разлившееся по лицу земли во всех видах»⁸⁵.

Многие отличились в сражениях и получили государственные награды⁸⁶. Вступил на службу в Министерство полиции 7 июня 1812 года любимый дядюшка Иван Андреевич, брат матери. Уже через два месяца он стал кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени, согласно рескрипту Александра I.

Отец композитора, по-видимому, до конца лета оставался на Смоленщине. Он одним из первых финансировал формирование Смоленского ополчения. На свои средства открыл 28 августа лазареты в близлежащих населенных пунктах – Ельне и Дорогобуже. Отец за активное участие также был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени.

В Новоспасском остались крестьяне, в том числе и крепостные музыканты. За них отвечал престарелый священник Иоанн Стабровский, который к тому же охранял и церковь. Отцу Иоанну суждено было войти в историю. События в Новоспасском попали в 1817 году на стра-

⁸² Письма Е. А. Глинка. С. 35.

⁸³ Письма Е. А. Глинка. С. 79.

⁸⁴ Как уже говорилось, писем Евгении Андреевны Михаилу Ивановичу не сохранилось.

⁸⁵ Слова Константина Батюшкова.

⁸⁶ Подробнее о судьбах участников военных действий 1812 года из рода Глинок см.: *Деверилина Н. В.* Новоспасское в войне 1812 года // Новоспасский сборник: Вып. 8: Эпоха М. И. Глинка: Музыка. Поэзия. Театр. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (2–3 июня 2012 года). Смоленск: Смоленская городская типография, 2012. С. 88–94.

ницы «Русского вестника», издаваемого Сергеем Глинкой⁸⁷, пятиуродным братом композитора.

30 августа отряд из семидесяти французов напал на новоспасскую церковь, когда там шла служба. Храм был окружен. Крестьяне испугались и хотели сдаваться неприятелю. Но отец Иоанн Стабровский удержал их от этого вдохновенной проповедью. Французы не смогли проникнуть внутрь через железные двери и решетки на окнах и ушли грабить пустую господскую усадьбу, а заодно разрушили дом священника, возглавившего сопротивление крестьян.

Еще одно описание грабежа Новоспасского появилось на страницах «Северной пчелы» спустя почти 30 лет, в 1843 году. Главным героем теперь стал садовник Ермолай. Он описывал, как французы – сейчас сложно сказать, те же самые или другие, – ворвались в дом и, найдя в погребах большие запасы еды, вин и наливок, устроили пир. Ермолай щедро раздавал персики и приговаривал:

– За что же вы опрокидываете и уродуете деревья? Чем же они, сердечные мои, провинились пред вами?

Садовник почти рыдал:

– Лучше будет, господа французы, если все это я сберегу в целостности и сохранности. Вы же полакомитесь! А если дождетесь весны, господа, чего тут только не будет... Глаза ваши разбегутся и носы начихают.

Один из французов владел русским языком, он перевел слова Ермолая, что привело в восторг эмоциональных гостей. То ли персики были вкусными, то ли Ермолай обладал даром убеждения, но французы перестали уничтожать посадки.

Но вскоре, как известно, враг был побежден и в конце зимы 1813 года обозы русских дворян возвращались домой.

Миша наблюдал разорение и пепелища усадеб. Он видел обратную сторону победы, непарадную. Об этом писал поэт Константин Батюшков, прошедший три войны, чуть не погибший на поле сражения, под грудой раненых и убитых товарищей: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя»⁸⁸.

Многие уезжали состоятельными помещиками, а возвращались практически нищими.

В конце зимы 1813 года вернулись и Глинки. Разрушения были большими, но оранжерея, любимая родителями, осталась практически нетронутой. Глинка обнял садовника и предложил ему и его семье полную свободу и вознаграждение. Но Ермолай отказался от того и другого:

– Я с женой и детьми, по вашей милости, сыт и доволен; ничего лучшего не желаю и не могу с вами расстаться.

Война 1812 года изменила русский мир. Родители заново обустраивали имение. Отец участвовал в общем восстановлении губернии. На свои средства построил здание для судебных заседаний в Ельне. К ним приезжали родственники – участники военных действий, рассказывали о пережитом. Одним из них был Александр Иванович Киприянов, участник Бородинского сражения, награжденный золотой шпагой за храбрость. Он мог рассказывать Мишело о походе в Париж, о легендарных Кутузове, Барклае-де-Толли, Багратионе, Милорадовиче.

Сгоревшие усадьбы, разорение, страдания людей вне зависимости от сословий, подвиги воинов, в том числе история о священнике, спасшем их церковь, – так война вошла в детство Миши, в его внутренний мир. И в целом для русского общества память о войне 1812 года обла-

⁸⁷ Это еще одно подтверждение того, что новоспасские Глинки общались с Глинками из Духовщинского уезда.

⁸⁸ Из письма К. Н. Батюшкова Н. И. Гнедичу. Октябрь 1812 года // *Баринов С. Ю.* Поэтическая судьба Константина Батюшкова. – <http://feb-web.ru/feb/batyush/critics/ep/ep2/ep2-005-.htm>.

дала огромной исторической значимостью. Она воспринималась современниками как ключевое событие русской истории и обретала символическое значение⁸⁹. Защита от захватнических действий Наполеона воспринималась как вечное столкновение между добром и злом, где победило добро в лице Российской империи. Под воздействием от пережитого складывалось представление о русской идентичности и русской нации как единство всех сословий, что поддерживалось идеологией «сверху». Подобное сакральное понимание империи, императора и нации вошло в сознание юного Миши, пережившего войну лично, пусть и в эвакуации. Эти патриотические чувства и новое понимание страны стали еще одним базисом в картине мира композитора.

Домашнее образование

Система воспитания в русских дворянских семьях выстраивалась следующим образом: до трех лет за ребенком следила няня; с семи до девяти лет – «мадам», чаще всего иностранного происхождения; затем приглашали гувернера, готовящего ребенка к поступлению в учебное заведение или к выходу в свет (в 16–17 лет)⁹⁰.

Система воспитания Глинок соответствовала установленной традиции.

Заниматься домашним образованием детей в Новоспасском начали до войны. Для обучения языкам пригласили француженку Розу Ивановну из Петербурга, которая помогала няне Ирине Федоровне Мешковой.

Евгения Андреевна, как и многие дворянки, практически не участвовала в образовании, которое полностью возлагалось на приглашенных учителей. Мать являлась хозяйкой дома, следила за бесперебойным круговоротом ежедневных дел.

Главное, что передавали родители детям, – беспрекословное почитание старших. Иерархия в семейных отношениях не подвергалась сомнению: дети почитали родителей, младшие дети – старших братьев и сестер. Другой важной составляющей воспитания было почитание Бога и царя, считавшегося «вполне священным лицом»⁹¹.

Поведение матушки и батюшки считалось эталонным. Подобный взгляд на родительскую семью разделяли многие дворяне того времени⁹². Глинка и его сестры, рассказывая о родителях, неизменно отмечали их добродетели: красоту и кротость матери, отцовскую заботу и внимание. Родительские взаимоотношения воспринимались идеальными, давая пример для подражания.

Когда перестраивали барский дом, в Новоспасское приехал архитектор. Он заодно обучал и Мишу, интересующегося рисованием. Дальний родственник⁹³, заметив страсть Миши к чтению, привозил книги. Из популярной в то время французской энциклопедии «О странствиях вообще»⁹⁴ он узнавал о путешествиях Васко да Гамы, открытии морского пути из

⁸⁹ См.: Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004; Велижев М. Война 1812 года: Появление национальной мифологии // Арзамас. Онлайн-университет. – <https://arzamas.academy/materials/1373>

⁹⁰ Шокарева А. Указ. соч. С. 191.

⁹¹ Высказывание А. И. Дельвига, кузена поэта А. А. Дельвига (*Дельвиг А. И. Жизнь в свете, дома и при дворе*. СПб., 1890. С. 87).

⁹² Об этом см.: Шокарева А. Указ. соч. С. 12.

⁹³ Имя на данный момент не установлено.

⁹⁴ Автор труда – французский монах и писатель, журналист Антуан Франсуа Прево Д'Экзиль, известный как аббат Прево, автор любовной истории о Манон, которая была положена на музыку Жюлем Массне. Труд Прево приобрел популярность в Европе. В России был издан в 22 томах (перевод М. И. Веревкина) известным масоном Н. И. Новиковым в Москве в 1787 году. Русское название – протяженное, что было обычным для книгоиздания XVIII века: «История о странствиях вообще по всем краям земного круга, сочинения господина Прево, сокращенная новейшим расположением чрез господина Ла-Гарпа, члена Французской академии, содержащая в себе достойнейшие примечания, самое полезнейшее и наилучшим образом доказанное

Европы в Индию, про острова Индийского архипелага. Вероятно, он тогда же прочитал роман о Робинзоне Крузо, являющийся долгое время бестселлером⁹⁵. Заморские страны потрясли его воображение: он стал делать выписки из книг и изучать карты.

Круг чтения Глинки мог складываться из «взрослых» авторов – Расина, Корнеля, Вольтера, комедий Мольера. Детских книг выпускали мало. Распространение получило издание «Плутарх для детей», маленькие читатели любили рассказы о Дон Кихоте. Начитавшись приключенческих романов, Глинка, как и многие дворянские дети, мечтал о путешествиях, подвигах, об открытии новых земель и новых поселениях. Мальчик все больше увлекался такой беллетризированной географией и переходил к изучению настоящих карт, которые чертил сам. Страсть к путешествиям в русском обществе установилась с конца XVIII века. Русские люди не просто путешествовали, а обязательно фиксировали свой опыт в записках, литературных трудах и дневниках, которые публиковались в больших количествах⁹⁶. Эти книги с «чувствительной» географией учили эмоциям и обещали в дальних странах идеальную жизнь.

По возвращении после войны в Новоспасское из Петербурга была приглашена мадам Варвара Федоровна Кламмер. По воспоминаниям Глинки, это была девушка лет двадцати, строгая и взыскательная. Вероятно, ее рекомендовала Софья Глинка, одна из дальних родственниц, которая училась в Смольном с Анной Кламмер, сестрой Варвары. Точных данных о ней не сохранилось: либо она была выпускницей Смольного института благородных девиц, как предполагал Глинка в «Записках», либо служила в нем классной дамой⁹⁷.

Смольный институт был элитным образовательным учреждением для девиц. Некоторые из них становились после его окончания фрейлинами при дворе, а большинство – гувернантками. По замыслу основательницы института Екатерины II, видевшей здесь реализацию своих просветительских идей, здесь прививали высокие нравственные нормы поведения, которые выпускницы передавали своим последующим ученикам. Одной из важных сторон образования была музыка: учащиеся и педагоги участвовали в музыкально-театральных представлениях, в том числе придворных. Варвара Кламмер должна была разбираться в искусствах.

Кламмер относилась к преподаванию с «отличным усердием», как указывалось в выданном ей аттестате. В ее обязанности у Глинок входило обучение русскому, французскому, немецкому языкам, географии и музыке, в том числе игре на фортепиано.

Кламмер работала по распространенной методе: она заключалась в подражании и многократном повторении, то есть зубрежке. Мише, как и многим детям, это не нравилось, но благодаря способностям он все осваивал легко и с удовольствием.

Важным для дальнейшей музыкальной деятельности композитора было умение «читать с листа», которому его научила Кламмер. Она заставляла детей играть на фортепиано «вслепую» – то есть не смотреть на пальцы во время игры, а сосредоточиться на нотах. Этот навык позволял с первого раза хорошо исполнять незнакомое сочинение по нотам, что было востребовано в обществе.

Если сегодня обучение пианизму начинается со специального несложного репертуара, а потом переходят к классикам Баху, Моцарту и Бетховену, то во времена Глинки ученики играли оперы в переложении для фортепиано⁹⁸. Еще дети Глинок разучивали популярные

в странах света, до коих достигли европейцы; о нравах оных жителей, о верах, обычаях, науках, художествах, торговле и рукоделиях с приобщением землеописательных чертежей и изображений вещей любопытных».

⁹⁵ На русский язык роман Даниеля Дефо был переведен в 1762–1764 годах.

⁹⁶ Самые знаменитые травелоги помимо упоминаемых «Писем русского путешественника» Карамзина – это «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (анонимно издано в 1790 году), «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина. Жанр литературных травелогов способствовал формированию нового русского языка, передающего широкий спектр эмоций и впечатлений.

⁹⁷ Второе предположение подтверждено сохранившимся документом – аттестатом, выданным Варваре Кламмер, дочери надворного советника, по окончании преподавания в Смольном институте.

⁹⁸ Увертюры из опер «Ma tante Aurore» («Моя тетушка Аврора») Буальдьё, «Lodoiska» («Лодоиска») Крейцера, «Deux

сонаты немецкого пианиста Даниеля Штейбельта, живущего в Петербурге. Играли сонаты чеха Адальберта Гировеца (1763–1850). Вся эта музыка была написана для домашнего музицирования и учитывала средние возможности дилетантов, которые в первую очередь хотели получить удовольствие от музицирования. Не сказать, чтобы Миша в это время проявлял какие-то исключительные способности. Ему нравилось заниматься, но особенно такой музыкой, которая бы вызывала прямые визуальные ассоциации, как рондо «L'orage» («Гроза») Штейбельта.

Музыкальный поворот

Миша интересовался светской музыкой, что было вполне обычным явлением. Родители поддерживали его интерес, как и другие увлечения науками и искусствами. Каждый образованный дворянин должен был владеть музыкальными инструментами, петь, танцевать, разбираться в литературе.

Церковное одноголосное пение в дедушкиной церкви теперь казалось ему не столь увлекательным. Сильного впечатления оно не производило, возможно, из-за плохого исполнения. Сложного, красивого партесного пения, основанного на многоголосии, как в Петербурге, скорее всего, в этих краях не знали.

Восторг мальчика вызывал оркестр дядюшки Афанасия. Во время бала он подыгрывал оркестру на скрипке или маленькой флейте пикколо. Он освоил инструменты самостоятельно. Отцу это не нравилось, ведь во время бала он должен был учиться светскому этикету и танцевать. Вместо этого он оставлял гостей и присоединялся к крепостным.

Сам Глинка позже вспоминал случай, который ознаменовал начало его музыкального пути. Ему исполнилось уже 10–11 лет (довольно поздно, по сравнению с другими гениями). Однажды после бала, когда гости разъехались, оркестранты играли пьесы в свое удовольствие. Зазвучал популярный тогда квартет с солирующим кларнетом шведского виртуоза Бернгарда Хендрика Крузеля⁹⁹. Кларнет как сольный инструмент вошел в европейскую моду в конце XVIII века. Легкая, изящная и романтическая музыка перевернула внутренний мир Миши. Позже он вспоминал: «эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатление»; «... я оставался целый день потом в каком-то лихорадочном состоянии, был погружен в неизъяснимое, томительно-сладкое состояние и на другой день во время уроков был рассеян»¹⁰⁰.

Учитель рисования ругал его за невнимательность.

Мальчик ответил:

– Что ж делать?! Музыка – душа моя!

Эта фраза, ставшая хрестоматийной, неизменно приводится в последующих биографиях о композиторе. Нужно помнить, что она была записана композитором много лет спустя в «Записках». Ее достоверность сегодня проверить сложно, но она нам может приоткрыть самоощущение Миши.

Видимо, музыка Крузеля оказалась созвучной противоречивому состоянию Миши, подростка, открывающего свой внутренний сложный мир чувств, настроений, дум и переживаний.

Утонченные светлые мелодии, исполняемые кларнетом, похожи на арии из опер, в которых говорится о чувствах. Резкие контрасты, столкновение быстрых и медленных частей,

aveugles» («Двое слепых») Мегюля.

⁹⁹ *Бернгард Хенрик Крузель* (Бернхард Хенрик Круселль; 1775–1838) – финско-шведский композитор и кларнетист. Хорошо знал иностранные языки, переводил на шведский язык либретто итальянских, французских и немецких опер. Считается автором первой в истории оперы на шведском языке «Маленькая невольница», впервые поставлена в Королевском театре в Стокгольме в 1824 году.

¹⁰⁰ *Глинка М. И.* Записки Михаила Ивановича Глинки и переписка его с родными и друзьями / Под ред. А. Розанова. М.: Музыка, 1988 (далее – *Глинка М. И.* Записки). С. 10.

мажора и минора, разговор инструментов между собой, танцевальные разделы – все это создавало не изъяснимый словами мир, где происходили события, творилась жизнь. В этой музыке было много облегчающих восприятие «ключей». Крузель использовал жанры, которые Глинка хорошо знал: здесь и романс, и пастораль, как нельзя лучше подходящая видам в Новоспасском, и менуэт, и рондо, кружащееся вокруг одной темы.

Слушая ее, он понял, что музыка, без слов и разъяснений, может выразить тончайшие эмоции и открыть в человеке то, о чем он даже не подозревал.

Изгнание из Эдема

Варвара Кламмер готовила мальчика для поступления в учебное заведение. Государственное образование для мальчиков в семье Глинок считалось обязательным. Иван Николаевич Глинка видел, что сын проявляет таланты во всех областях знаний. Их нужно развивать и употребить во славу Отечества. Он понимал, что плохое здоровье Миши не позволит ему идти на военную службу, и прочил ему деятельность дипломата, желательно в Министерстве иностранных дел, самом престижном учреждении власти.

В эпоху правления Александра I осуществлялась реформа образования, которая содействовала изменению государственной системы власти. С 1802 года петровские коллегии постепенно заменялись на министерства. В числе восьми образованных ведомств находилось Министерство народного просвещения. Впервые образование при новом императоре приравнялось к главным отраслям государства – армии, финансам, внешним и внутренним политическим делам. Александр I настаивал на всеобщем образовании дворян. Мотивацией к учебе служило новое положение о гражданской службе, к которой допускались лишь лица с дипломом. Образованные чиновники получали преимущества в чинах при вступлении на службу, и в дальнейшем их чиновничество по выслуге лет происходило быстрее.

Дворянским детям полагалось получать образование вдали от дома, что поддерживали и родители Мишеля, считая, что так формируется «мужской характер». В сентябре 1817 года в Петербурге открылось новое учебное заведение для дворянских мальчиков – Благородный пансион при Главном педагогическом институте (позже университете), по аналогии с Московским пансионом. Хорошие отзывы о пансионе распространялись среди аристократии и в прессе. Ему покровительствовало Министерство просвещения, а значит, и лично император.

Немаловажным для выбора родителей было то, что в пансионе преподавал дальний родственник Глинок – Вильгельм Кюхельбекер (1797–1846). Сестра поэта была замужем за Григорием Андреевичем Глинкой, профессором русского языка и литературы в Дерптском университете¹⁰¹. Значит, за их мальчиком будет особый присмотр.

В начале 1818 года¹⁰² семья отправилась в Петербург, чтобы устраивать Мишу в пансион. Дорога предстояла длинная – более 750 километров. Такое расстояние преодолевалось примерно за неделю. Для долгого путешествия новоспасские мастера сделали широкий возок и утеплили его внутри мехом. Транспортное средство получилось комфортабельным: мех не только согревал, но и смягчал тряску по зимнему пути. В просторные сани поместились мать, дядя Афанасий, гувернантка, тринадцатилетний Миша, сестра Пелагея и горничная. Сбывались его мечты о путешествии. Во время дороги дети играли. Миша называл себя Колумбом, который открывал новые земли, а сестра была Пятницей.

Дворянский мальчик Миша ехал в Петербург, нацеленный на героические подвиги и с желанием оставить свой след в истории. Ему были привиты православное благочестие, патриотизм и беспрекословное почитание родителей. На протяжении всей жизни, будучи уже при-

¹⁰¹ Прадеды этих двух линий Глинок – Ельнинской и Духовщинской – находились в двоюродном родстве.

¹⁰² Ученые расходятся во мнениях о точной дате отъезда: возможно, они выехали в конце 1817 года.

знанным композитором, Глинка не переставал согласовывать судьбоносные решения с родителями и искренне искал их «родительского благословения».

Семья стала надежной опорой в его жизни и карьере. Воспитание и финансы, общественные связи и протектирование – всем Михаил был обязан отцу и матери, двум дядям и многим другим Глинкам, принадлежавшим к российской, в том числе петербургской, элите. Родственные связи между ними поддерживались, укреплялись, ими гордились, что было свойственно русским аристократам. Доходы от земель и производства обеспечили ему свободный образ жизни и давали возможность сочинять по желанию, а не по финансовой необходимости.

Глава вторая

Пансион на берегах Невы (1818–1822)

Давайте жизнью играть.

А. С. Пушкин. Добрый совет

Последующие четыре года, с 1818-го по 1822-й, Глинка провел в Санкт-Петербурге в стенах Благородного пансиона при Главном педагогическом институте (позже Санкт-Петербургском университете). Получаемое им образование не было связано с музыкой. Если провести аналогию с современностью, то можно сказать, что пансион объединял колледж и бакалавриат. Игра на фортепиано и скрипке воспринималась им самим и его окружением как увлечение, неотъемлемый атрибут утонченной дворянской жизни. Но что не менее важно – в пансионе он проходил «инициацию» во взрослую жизнь, постигая модели поведения в светском обществе. Он общался с образованными педагогами и талантливыми юношами. Вместе они вскоре будут составлять круг русских интеллектуалов.

Элитное учреждение

Что представляли собой пансионы в эпоху Александра I? Новый император стремился создать сеть народного образования во главе с университетами, но параллельно он развивает особые учебные заведения вне общей структуры – элитные пансионы, куда принимали только сыновей наследственных дворян¹⁰³. Объем знаний в пансионах был больше, чем в гимназиях. В нем частично давалась программа второго и третьего курсов университета¹⁰⁴.

Первый государственный пансион при университете возник в Москве в 1779 году. При его создании учитывался опыт кадетских корпусов, существующих с XVIII века, и европейских специализированных школ. В 1811 году при непосредственном участии Александра I был создан лицей в Царском Селе, самый престижный среди заведений пансионного типа. С 1817 по 1820 год появилось еще четыре подобных образовательных учреждения – в Петербурге, Одессе, Кременце на Волыни и в Нежине на Черниговщине. Император приветствовал их создание. Главная цель пансионов заключалась в обеспечении империи просвещенными чиновниками, получившими разностороннее европейское образование. Пансионы при Московском и Санкт-Петербургском университетах давали возможность заслужить чин 10-го класса¹⁰⁵.

¹⁰³ Позже Иван Панаев с пренебрежением напишет о Благородном пансионе при Санкт-Петербургском университете: «Эти благородные пансионы существовали единственно только для детей привилегированного класса, родителям которых казалось тогда обременительным и бесполезным подвергать своих избалованных и изнеженных деток излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравне с какими-нибудь разночинцами и семинаристами». Написанные в 1850-х годах, его воспоминания отражают иную социокультурную ситуацию, поэтому их нельзя считать объективными (См.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928).

¹⁰⁴ После пансиона те, кто хотел заниматься наукой, могли завершать свое образование в университете. Параллельно шла реформа университетов. Так, Главный педагогический институт, при котором был основан пансион, в 1819 году был переименован в Санкт-Петербургский университет (с 1821-го – Императорский Санкт-Петербургский университет).

¹⁰⁵ Для сравнения – после окончания Царскосельского лицея лучшие ученики могли получить чин более высокий – 9-го класса. Его выпускник А. С. Пушкин заслужил чин 10-го класса, так как он не преуспевал в учебе. Элитарность пансионов подчеркивалась тем, что выпускники университетов, хотя получавшие более длительное и глубокое образование, не могли рассчитывать на столь высокие привилегии. Предполагалось, что университеты готовили педагогические и научные кадры, а не чиновников.

Правительство возлагало большие надежды на петербургский пансион, организованный при энергичном участии Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), попечителя Санкт-Петербургского образовательного округа. Об этом говорят и утвержденные специальные льготы: пансион причислялся к разряду высших учебных заведений, а лучшие ученики освобождались от дальнейшего прохождения испытания, обязательного для гражданских служащих с 1809 года¹⁰⁶.

Несмотря на государственный статус, финансирование пансиона происходило за счет собственных средств. Отец Глинки платил за год обучения сына 1,5 тысячи рублей¹⁰⁷, что предполагало проживание в пансионе, питание, образование, обеспечение формой и другой одеждой. За первый год взималось еще 300 рублей на обустройство. Для сравнения: средняя заработная плата учителя пансиона составляла 400 рублей в год, профессора – около тысячи рублей, килограмм парной говядины стоил 10 копеек. Ивана Николаевича не смущали внушительные расходы, он надеялся, что мальчик в будущем «окупит» их блестящей карьерой.

Целью образования в пансионе было формирование поколения русских энциклопедистов, то есть людей, разбирающихся во многих областях знаний¹⁰⁸. Правда, на практике могло выходить не так, как в теории. Позже в «Евгении Онегине» Пушкин иронически напишет:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.

И все же ученики, заинтересованные в учебе, действительно получали глубокие разно-сторонние знания.

В приоритете были те предметы, которые могли пригодиться на государственной службе. Судя по распределению учебных часов в программе, акцент делался на русском языке, который поступающие часто знали плохо, и на иностранных языках. Языкам обучали комплексно – в тандеме с литературой. В почете также была математика.

На особом положении

Итак, 2 февраля 1818 года тринадцатилетнего Мишу зачислили в петербургский Благородный пансион. Он располагался в доме надворного советника Отто у Калинкина моста на набережной реки Фонтанки¹⁰⁹. Окружающая местность производила странное впечатление, особенно после просторов Новоспасского. Старо-Калинкин мост (это его современное название) соединял остров Коломну с Безымянным островом, которые вряд ли считались фешенебельными местами столицы. Когда-то здесь, еще до постройки Петербурга, располагалась финская деревня. Вид из окон пансиона «украшали» два учреждения – английская пивоварня и

¹⁰⁶ На получение чинов коллежского асессора и статского советника устанавливался экзамен. Для его сдачи чиновники должны были слушать специальный курс при Главном педагогическом институте, то есть пройти своего рода повышение квалификации.

¹⁰⁷ Здесь и далее цены даются в эквиваленте денежных рублей ассигнациями. В рассматриваемое время в стране действовали две денежные системы – рубль «серебром» и рубль «ассигнациями», то есть бумажные деньги, они отличались по стоимости. Курс был подвижный. Ассигнационный рубль стоил примерно 25–35 копеек серебром. Случаи указания денег «серебром» специально оговариваются.

¹⁰⁸ Видимо, не обошлось без влияния французских просветителей-энциклопедистов XVIII века – Руссо, Вольтера и Дидро.

¹⁰⁹ Современный адрес: набережная реки Фонтанки, 164 (дом Отто значительно перестраивался, но сохранился до наших дней). В 1821 году пансион переехал в район рот Семеновского полка, ближе к Невскому проспекту. Современное расположение этого второго здания: улица Правды, 11, рядом с домами по Звенигородской улице, выходящими на Загородный проспект.

Калинкинская больница, известная всем жителям Петербурга. Здесь лечили от «любоострастных болезней» (так тогда называли венерические заболевания).

Двухэтажное, с мезонином и боковыми флигелями здание пансиона было построено в стиле классицизма и внешне напоминало родительский дом. Но только внешне. Все учащиеся разных возрастов – в пансион принимали от семи до шестнадцати лет – жили в общих спальнях. В одном помещении могло размещаться до пятнадцати человек. За их дисциплиной постоянно следил комнатный гувернер-иностранец. Такое содержание не устроило Ивана Николаевича Глинку. Он познакомился с инспектором заведения Андреем Андреевичем Линдквистом (1762–1831), человеком образованным и благородным. Он считался одним из первых пропагандистов творчества Шиллера, с которым когда-то учился в университете. Иван Николаевич нашел с ним общий язык и договорился об особых условиях проживания сына (что еще раз подтверждает коммуникабельность и дипломатические способности отца). Мальчику предоставили место в маленькой, похожей на келью, комнате в мезонине учебного корпуса, где, кроме него, поселили двух его кузенов – Бориса и Дмитрия Глинок¹¹⁰. Впоследствии Линдквист стал хорошим другом Мишеля и его семьи.

Гувернером мальчиков, видимо, также не без протекции отца¹¹¹, назначили родственника Глинок Вильгельма Кюхельбекера (Борису и Дмитрию он был дядей). Кюхельбекер год назад (в 1817-м) окончил Царскосельский лицей и был принят в пансион преподавателем русской словесности. Он жил рядом, в одной из комнат мезонина. Находясь на особом положении в пансионе, мальчики даже разводили голубей и кроликов.

Уклад жизни в пансионе¹¹² отличался строгостью. Глинка вместе с другими учащимися каждый день вставал в 6 утра (летом в 5.30). Отбой был строго в 22.00 (для старших классов – в 22.30). Утренний и вечерний туалеты проходили под присмотром гувернеров. Перед занятиями и перед сном пансионеры исполняли молитвенные правила. Учащихся наставлял известный в Петербурге проповедник отец Алексей Малов, настоятель храма Святого архистратига Михаила в Инженерном замке и протоиерей Исаакиевского собора. Закон Божий считался одним из главных пунктов образования русского дворянина. Так что с юных лет Глинка досконально знал Заповеди Божьи, Священное Писание и участвовал в таинствах. Отец Алексей Малов будет и впредь напутствовать будущего композитора.

Кушали все вместе в узкой столовой, полностью заставленной столами, где собиралось до ста человек. До и после трапезы учащиеся читали молитвы, могли петь а капелла («а capella», то есть без сопровождения хора) особые патриотические песни – канты. В них славили родину, доблесть русских воинов и императора. Строго запрещалось что-либо выносить из столовой, даже хлеб. Питание было простым, часто скудным. На завтрак полагался чай с белым хлебом (чай могли заменять молоком). На обед подавалось три блюда, на полдник повторялось меню завтрака, на ужин – два блюда. По праздникам в меню появлялось пирожное. Неудивительно, что Глинка, привыкший к разнообразной и обильной пище, страдал от пансионного рациона, о чем писал родителям.

Занятия начинались в 8 утра. Подряд шли две двухчасовые лекции, каждая делилась переменками на три части. С 12.00 до 13.00 – обед, а затем один час отводился на отдых. С 14.00 опять начинались занятия, с 16.00 до 18.00 отводилось время на физические упражне-

¹¹⁰ Существуют иные мнения о тех, кто жил в одной комнате с Глинкой. А. С. Розанов в комментариях к «Запискам» М. И. Глинки (1988) указывал, что это были братья Андрей и Алексей Тютчевы.

¹¹¹ Исследователь Е. Васильева считает, что в этом назначении принимал участие видный чиновник А. В. Казадаев, двоюродный дядя Михаила. У него же Глинки могли останавливаться во время поступления в пансион (*Васильева Е.* Глинка в Петербурге // Музыкальная академия. 2004. № 3).

¹¹² В реконструкции жизни в пансионе использовалось издание: Пятидесятилетие Санкт-Петербургской первой гимназии: 1830–1880. Историческая записка, составленная по поручению педагогического совета Д. Н. Соловьевым. СПб., 1880.

ния и прогулку. С 18.00 до 20.00 – время для подготовки уроков. Потом следовали ужин и приготовление ко сну с чтением молитв.

По ночам в здании дежурили служители, ходившие по спальням. Дневные служители находились перед входом в классы, следя, чтобы мальчики нигде не собирались в группы. Швейцар не выпускал на улицу учеников без официального разрешения инспектора. Только в свободные от учебы дни, но с разрешения инспектора, их могли забирать из пансиона родители или родственники, чем с большим удовольствием пользовался Глинка.

Система наказаний часто приводилась в действия: за легкие провинности наказание назначали гувернеры, а за более тяжкие – приговор выносил инспектор или директор. Отчисленные из пансиона вторично никогда в него не принимались. В 1818 году из ста воспитанников 45 были исключены за плохое поведение, такой же отбор произошел в следующем, 1819 году. Отсеивалась практически половина поступивших.

Свободного времени у мальчиков было мало. Вечера Глинка проводил за уроками, выполняя родительские указы о ревностной и прилежной учебе. Он регулярно отправлял домой письма, что считалось обязательной частью воспитания. В них повзрослевшие дети подводили итоги дня – своего рода психологическая терапия. Мишель сохранил эту привычку до конца жизни.

Послания родителям писались по установленным стандартам, которым следовал и Глинка. В начале письма, как и полагается, шли нежные обращения: «Дражайшие родители!», «Милые родители», «Милая и бесценная маменька». В конце – слова благодарности: «Нет слов выразить Вам моей признательности за Ваше письмо», «В надежде радостного свидания с Вами», «Целую ручки и, испросив родительского благословения, остаюсь Вашим всепокорным сыном»¹¹³. Обращение к родителям на «Вы» сохранилось у Глинки до конца жизни. К письму обычно прикладывался подробный отчет о финансовых тратах. Когда Мишель, а впоследствии и другие его братья, обучавшиеся в Петербурге, писали реже, чем обычно, из Новоспасского приходило строгое взыскание от матери. В качестве наказания за письменное «непослушание» могли быть приняты разные меры – от родительского гнева до лишения финансового обеспечения. В то время считалось, что ребенок, вплоть до получения служебного места и заведения собственной семьи, нуждается в постоянном воспитании и контроле¹¹⁴.

«Мы все учились понемногу»

В Петербургском пансионе давалось одно из лучших образований в России.

Предметы, которые изучали мальчики, можно разделить на четыре группы: первая – Закон Божий;

вторая – точные науки, к которым относились математика, физика, химия, естественная история (объединяла знания по ботанике, геологии и биологии), география и статистика;

третья – гуманитарные дисциплины. Это философия (включала логику, психологию, нравственную философию, то есть этику, и историю философии), политическая экономия, право и языки (греческий, латинский, русский, немецкий, французский и английский);

четвертая – военные науки, преподавались фортификация, фехтование и артиллерия.

Предметы на старших курсах вели профессора Санкт-Петербургского университета. Сами еще молодые люди, они были не только лекторами, но и выдающимися учеными, авторами книг и первых учебников в России. Многих из них объединяло то, что они, окончив университет, проходили стажировки за рубежом, в основном в Германии. Таким образом, немец-

¹¹³ М. И. Глинка – Е. А. Глинке. 1 мая 1835 года. Петербург // *Глинка М. И.* ПСС. Т. 2 (а). С. 57–58.

¹¹⁴ Об этой обязанности детей, живших на обучении далеко от родителей, см.: *Шокарева А.* Указ. соч. С. 167.

кая философия и наука, преломленные через их мировоззрение, оказали сильное влияние на целое поколение отечественных аристократов.

Глинка знакомился с новейшими европейскими философскими идеями у профессора Александра Ивановича Галича¹¹⁵. Он один из первых в России рассказывал о философии идеализма Фридриха Шеллинга, которая оказала большое значение на мировоззрение поколения Глинки.

Общую историю, историю философии и литературы, а также немецкую словесность пятнадцатилетний Мишель изучал у известного немецкого ученого, писателя и драматурга Эрнста Раупаха¹¹⁶, сверкающего серьезным взглядом из-под золотых очков. Все в пансионе знали, что он «европейская знаменитость, германский трагик; человек с необыкновенным даром слова, даже на русском языке, фигура серьезная, умная и задумчивая»¹¹⁷. Он держал мальчиков в большой строгости и даже страхе, мог запросто перевести из высших классов в низшие тех, кто не соответствовал нужному интеллектуальному уровню.

Мишель получил самое подробное представление о юридических науках. Естественное право, римское право и русское право преподавал профессор Царскосельского лицея Александр Петрович Куницын¹¹⁸, еще одна знаменитость. Пушкин, который также учился у него в Царскосельском лицее, писал о нем: «Он создал нас, он воспитал наш пламень»¹¹⁹. Ученый, находясь под влиянием Руссо и Канта, передавал своим ученикам философские идеи об ограничении любой власти – как общественной, так и родительской, которая в любой момент может перерасти в тиранию. Глинке импонировала его концепция естественного права, целью которой является справедливость.

Политическую экономию читал Карл Федорович Герман¹²⁰, считавшийся человеком благородным, устремленным ко всеобщему благу. У него учился еще один преподаватель пансиона – Константин Иванович Арсеньев¹²¹, читающий статистику. Глинка впервые изучал, казалось бы, скучные цифры не просто как свод данных, но как обсуждение политического устройства России.

Арсеньев также читал географию и древнюю историю. Преподавал по своим книгам «Краткая всеобщая география» (выдержала 12 переизданий, оставаясь более тридцати лет единственным учебником по этому предмету) и «Начертание статистики Российского государства». Впоследствии он наряду с Василием Жуковским, стал учителем истории, географии и статистики у цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II¹²².

¹¹⁵ Галич (Говоров; 1783–1848) стажировался в Гельмштедте и Гёттингене. В 1812–1819 годах вышла его двухтомная книга «История философских систем».

¹¹⁶ Раупах (1784–1852) в 1816 году приехал в Петербург с целью занять место пастора в Екатерининской церкви на Васильевском острове. Не получив его, он, по приглашению Сергея Уварова, читал лекции по всеобщей истории (в основном на французском языке) в Главном педагогическом институте (позже университете).

¹¹⁷ Маркевич Н. Воспоминания // РО ИРЛИ. Ф. 488. № 82. Л. 17 об.

¹¹⁸ Куницын (1783–1840) получил высшее образование в Главном педагогическом институте, затем слушал лекции за границей в Гёттингене, Париже и Гейдельберге, куда был отправлен государством как лучший ученик. Он читал лекции по своему учебнику «Право естественное» (СПб., 1818–1820), первому в России по этому предмету.

¹¹⁹ А. С. Пушкин. «Лицейская годовщина 19 октября 1825 года».

¹²⁰ Герман (1767–1838) родился в Данциге, окончил Гёттингенский университет, в 1795 году поступил на русскую службу. Обладая обширными познаниями, заложил основы в России статистики как науки и написал учебник (1808). С 1806 года издавал на русском языке «Статистический журнал».

¹²¹ Арсеньев (1789–1865), по протекции Германа, занимался статистическими работами в Министерстве внутренних дел. Они с Германом рассматривали статистику делом политическим и как науку объединяли ее с социологией и политологией. Предмет изучения статистики – это «народонаселение страны, промышленность или источники народного богатства, образованность народа, государственное устройство и государственное управление».

¹²² Приводя цесаревичу множество экономических выкладок и статистических данных, Арсеньев научно обосновывал вред крепостного права для развития экономики России.

Естественные науки, в которые входили такие предметы, как минералогия, ботаника и зоология, читал Яким Григорьевич Зембницкий (1784–1851). Личность неординарная, один из любимых педагогов учащихся, в том числе Глинки. Он был хранителем физического кабинета и минералогической коллекции. Увлеченность предметом и обширные знания обеспечили привязанность воспитанников к его наукам. Он водил экскурсии в Кунсткамеру, где экзотические, часто пугающие экспонаты приводили в восторг мальчиков.

В блок предметов словесности входили грамматика, история литературы, теория словесности, правила прозаических и поэтических сочинений, риторика. Таким образом, ученики не только обучались правилам языка, но и полностью погружались в него, обогащались за счет изучения литературы. Они становились знатоками разных стилей, направлений, могли сами сочинять стихи и писать прозу.

Первым преподавателем российской словесности, как уже указывалось, был Вильгельм Кюхельбекер, «благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо»¹²³.

Считается, что он являлся одним из прототипов Ленского в «Евгении Онегине» Пушкина:

Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь...

Кюхельбекер не ограничивался программой, а, как вспоминали ученики, часто декламировал только что написанные стихи Батюшкова, одного из первых романтиков, Жуковского и Баратынского, разрешенные цензурой произведения Пушкина. Он превозносил Карамзина и те новые ценности европейской чувствительности, которые он принес в русскую литературу.

Почти каждый учащийся писал стихи. По-видимому, Глинка, отличавшийся упорством в учебе, также пробовал себя на этом поприще. И если выдающихся способностей он не проявил, то овладел хорошим стилем и мог выносить экспертное суждение о русской словесности.

Ему приписывается поэма «Альсанд», написанная в 1827 году. Хотя уверенности в достоверности авторства нет, однако по складу поэмы можно предположить, что она очень близка Глинке. Разочарованный в любви герой уходит от мира, живет в одиночестве, во «влажной зелени дубрав». Уединение прерывает Муза молодая, истинная любовь поэта. Она поет ему, и: песня та —

Как жар любви иль как мечта,
Врачует недуг ран глубоких
В груди Альсанда – ран жестоких.

Подобная дихотомия – противопоставление суетного света и «широкошумных дубров» – была довольно распространенной в поэзии Жуковского, Байрона, Лермонтова. Схожее разочарование испытывал герой Пушкина в «Поэте»¹²⁴: он тоскует «...в забавах мира, / Людской чуждается молвы» и бежит «на берега пустынных волн».

Кюхельбекер ставил задачу не только научить словесности, но сформировать их мышление и способ восприятия действительности. Он формировал эмоциональную карту их жизни,

¹²³ Маркевич Н. А. Из воспоминаний // Глинка в воспоминаниях современников. С. 119.

¹²⁴ Написано 15 августа 1827 года в Михайловском.

построенную на повышенной чувствительности. Она импонировала глинкинскому ощущению мира, воспитанному на лоне усадебной природы.

Экзотические персонажи

Как и в любом учебном заведении, в пансионе встречались оригиналы, добродушные ученые, витающие в облаках наук. К такому сорту относился Кондратий Антонович Шелейховский, преподаватель тригонометрии и аналитической геометрии. Выходец из польских дворян, он, по свидетельству студентов, отличался большой рассеянностью и замечательным добросердечием, чем пользовались его подопечные. Педагоги, имевшие более низкое звание в пансионе и преподававшие на младших курсах, в основном были выходцами из семинарий. Это было не случайно, ведь до реформ императора в стране существовал фактически лишь один Московский университет. Семинарии были центрами образования, где изучали греческий и латинский языки, а также высокую культуру Античности. Выпускником Киевской духовной академии был один из самых колоритных фигур пансиона Иван Яковлевич Колмаков.

Из всех учителей Глинка выделял именно его: «...он был нашим утешением, когда он появлялся, мы всегда приходили в веселое расположение»¹²⁵. Надо отметить, что именно о нем – а не о других выдающихся личностях, с которыми общался Глинка, например Пушкин, Жуковский, Грибоедов, – он написал в конце жизни многостраничное эссе-воспоминание. Колмакову посвящены страницы «Записок». Глинка ценил его за остроту ума и языка, за хорошие шутки, игру слов и каламбуры. Он выдумывал свои афоризмы, лаконичность и точность которых радовали Мишу, и он их использовал в своем лексиконе до конца жизни. Экстравагантный стиль поведения Колмакова и украинский акцент Глинка будет неоднократно пародировать, так же быстро моргать и дергать плечами. Открытый, чудаковатый, эмоциональный, он будет своего рода *alter ego* Мишеля, тем, чей образ он будет «надевать» на себя, пытаясь избежать неприятных ситуаций или разрешить конфликт. В холодном мире пансиона Колмаков был родным и близким, живым и понятным человеком. Оторванный от домашнего уютного мира, одинокому мальчику именно такой наставник и был нужен.

Колмаков занимал должность помощника инспектора Линдквиста, то есть был третьим по значению лицом пансиона. Он преподавал греческий язык и географию, русский и славянский языки и даже арифметику. Он обладал разносторонними знаниями и мог заменить практически любого профессора. Он помогал воспитанникам в сложных уроках, подсказывал тем, кто плохо знал урок. Именно с ним Глинка впервые изучал латинский язык, читая отрывки из «Метаморфоз» Овидия. Впервые вместе с ним Глинка открывал для себя античную литературу – сложную, символическую, многомерную. Это произведение Овидия из пятнадцати книг представляет собой всеохватывающий сборник античных мифов о начале мира, превращении хаоса в космос, появлении богов и героев. Овидий обессмертил деяния Юлия Цезаря и события Троянской войны. Романтичному Мишелю импонировали взгляды древнего автора, особенно относящиеся к понятию любви. Тот считал, что любовь – главное проявление мироздания, имеющее разные проявления, в том числе такие, которые заставляют забыть о нравственных нормах.

Как уже упоминалось, вся жизнь мальчиков была на обозрении у гувернеров, которых набирали из иностранцев. Те должны были научить их общаться в повседневной жизни на разных языках. Вроде бы продуктивная педагогическая идея (то, что и сегодня считается хорошим способом изучения языков – общение с носителем языка) на практике не работала. Гувернеры не обладали педагогическим образованием и часто пользовались служебным поло-

¹²⁵ Глинка М. И. Записки. С. 13.

жением, необоснованно наказывая учеников. По крайней мере Глинка запомнил лишь их грубые и нелепые выходки, о которых подробно рассказывал в «Записках».

Увлечения

Учителей и учеников объединяли общие кумиры. Одним из них был Фридрих Шиллер, представитель направления «Буря и натиск» и романтизма, утверждающего ценность человеческой личности, проповедующего блага республиканизма. О нем долго могли говорить профессор Раупах, Линдквист и Кюхельбекер.

Другой символ эпохи – французский поэт Эварист Парни, сегодня известный разве что специалистам, а в начале XIX века считающийся образцом изящного искусства и хорошего вкуса. Перевод Пушкина из Парни воссоздает ощущение жизни учащихся, которым было около пятнадцати-шестнадцати лет:

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть.
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Все, что отымеется у ней¹²⁶.

Глинка за первые два года достиг больших успехов во всех предметах. Каждый год его отмечали профессором, а на экзаменах вручали то похвальный лист, то гравюру, то другие награды с подарками, в том числе Библию с именной надписью.

Особенно Мишеля интересовали языки – латинский, французский, немецкий, выученный практически за полгода, и английский, знанием которого отличались немногие в России. В старших классах добавился персидский, который преподавал Мирза Джафар Топчибашев, один из видных востоковедов, учитель Александра Грибоедова. Во время преподавания он уделял большое внимание не только правильному изъяснению, но и изяществу речи, что, видимо, импонировало Глинке. Страстью учителя также была каллиграфия, которой он владел в совершенстве. Этим искусством он увлек своего ученика. Уже со времен пансиона почерк Глинки, красота букв, четкость линий были идеальными. Эти навыки аккуратного письма, стройная вязь, чем-то схожая с плавными линиями персидского алфавита, перешли в искусство оформления партитур. Изображенные звуки превращались в визуальное искусство, приносящее радость.

В пансионе его увлеченность географией получила научную форму. К любимым предметам добавились зоология и биология. Посещение Кунсткамеры, а особенно зоологического подразделения (позже – Зоологический музей) открывало неведомый мир. Он познавал морские глубины и рассматривал большую коллекцию морских ежей, моллюсков, раковин. Ящерицы, змеи, насекомые, млекопитающие и птицы – экспонаты, количество которых превышало

¹²⁶ Июнь (не ранее 11-го) 1817-го – апрель 1820 года.

7 тысяч единиц, привозились со всего света¹²⁷. Успехи в арифметике и алгебре были столь стремительными и значительными, что Мишель вскоре начал репетиторствовать по этим дисциплинам – учить своих однокашников.

Образование как воспитание

Санкт-Петербургский пансион, ощущая правительственный запрос, делал установку на воспитание чиновников, преданных власти и способных к любым самоограничениям ради службы. Строгая дисциплина, постоянный контроль надзирателей и спартанские условия проживания – все это было направлено на укрепление качеств, традиционно связываемых с мужским характером. По сути, мальчики находились в закрытой системе, отчасти напоминающей военную¹²⁸. Управление пансиона контролировало внеклассное чтение учеников – в основном это был список книг по русской истории, чтобы воспитывать патриотизм, и книги, посвященные путешествиям, что весьма импонировало Глинке.

Обязательной частью для воспитания благородного человека был блок предметов, связанных с искусствами, – архитектура, рисование, черчение, пение, фехтование, «танцевание» (как указано в Положении пансиона). При этом желающие обучаться музыке должны были платить за уроки отдельно. Инспектором по музыкальной части служил известный и уважаемый Катерино Кавос (1775–1840)¹²⁹, чью музыку Глинка знал. Через десять лет судьба сведет их для совместной работы над постановкой первой оперы Глинки «Жизнь за царя». Несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте, они станут единомышленниками.

Глинка не отличался физической сноровкой: в танцах был плох, как и в фехтовании.

Учитель часто говорил:

– Эй, Глинка, заколю!

И действительно – больно колол.

Учащихся готовили к публичной деятельности – будущие дипломаты, чиновники должны уметь выступать в обществе, отстаивать свою точку зрения. Для этих целей устраивались публичные экзамены, которые давали возможность перехода из низших в высшие классы. В главный зал приходили приглашенные важные особы и многочисленная публика из дворян. Любому из сидящих в зале разрешалось задавать экзаменуемым вопросы.

Хор воспитанников исполнял церковные песнопения и канты. Для большей торжественности приглашался оркестр. Живописцу, состоявшему при Герольдии (специальном отделении Сената, занимающемся гербами), заказывали «золотую книгу» для внесения в нее имен лучших воспитанников.

¹²⁷ Экспонаты привозились из всех крупных морских путешествий – кругосветки И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, Ф. А. Головина, О. Е. Коцебу, экспедиций Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, Ф. П. Литке, а также Г. И. Лангсдорфа в Бразилию.

¹²⁸ Выпускники пансиона могли поступать на военную службу, практически сразу в офицерском чине.

¹²⁹ Катерино Альбертович Кавос (1775–1840) – капельмейстер петербургских театров, композитор, дирижер, органист и педагог. Родился в Венеции, попал в Петербург вместе с труппой Ж. Астарити. После роспуска труппы зарекомендовал себя сочинением оперетт. В 1798 году был приглашен в Русскую труппу Императорских театров. С 1803-го получил должность капельмейстера Итальянской и Русской труппы, музыкальный педагог Театрального училища. Автор важных реформ в деятельности русских театров. С 1832-го – директор всех оперных императорских оркестров. Создатель множества опер, водевилей и балетов, поставленных в Петербурге. Правнуками Катерино Кавоса станут известные художники – представители рода Бенуа.

В кругу юных гениев

Глинка попал в общество дворянских мальчиков, что кардинально отличалось от прежнего его домашнего, преимущественно женского окружения. Мальчики-подростки забавлялись, подшучивали друг над другом, устраивали небезобидные розыгрыши.

В сообществе главенствовал дух конкуренции – начиная от физической силы до умения лучше всех сочинять эпиграммы или играть на рояле. Миша не отличался физической силой и меткостью эпиграмм, но музыкальные способности поразили его сверстников. Его записывают в свои друзья «вожаки». Они прощают его застенчивость, мягкость и сельскую простосердечность. Мягкость и чувствительность были в моде. Глинка, понимая особенности своего характера, часто называл себя «мимозой». Цветок изящный, источающий тонкий аромат, но закрывающий листья при любом неаккуратном обращении.

Сравнения с цветами и цветочная символика часто использовались в то время – очередная дань увлечению французской культурой. Флорошифры применялись не только в литературе, но и в быту, оказываясь частью повседневности. Мимоза, кроме того, была символом чувственного начала, чаще всего ее образ избирали для себя девушки. Например, мимозой себя называла Анна Керн, ставшая позже хорошей знакомой композитора¹³⁰.

По вечерам Мишеля приглашал к себе Кюхельбекер, который собирал в мезонине друзей. Каждый из них претендовал на статус русского гения. К нему приходили Антон Дельвиг, Евгений Баратынский, Александр и Лев Пушкины.

Юноши часто обсуждали новые стихи – критиковали страстно и открыто.

Лёвушка, так называли младшего Пушкина близкие, эмоционально рассуждал о красивых и совершенных по форме стихах Дельвига и критиковал их, говоря:

– Сейчас время перемен, нового искусства, революций, бури и натиска.

Мишеля считали человеком с хорошим вкусом, знающим толк в поэзии. От него ждали приговора. Свой ответ он даст через несколько лет: на стихи Дельвига он сочинит проникновенные романы.

Их разговоры переходили от современной литературы к политике. Споры в целом характеризовали эту послевоенную эпоху, наполненную противоречиями. Невероятный патриотизм, народолюбие, безграничная вера в царя, прозванного Агамемноном за его непобедимость, соседствовали с тайными обществами, цель которых была переустройство системы власти разными способами – от мирных переговоров до цареубийства. Наверняка юноши обсуждали противостояние двух литературных сообществ – «Беседу любителей русского слова» и «Арзамас». Первые претендовали на восстановление старины, в том числе в русском языке, который они стремились очистить от иноязычных слов. Вторые – объединились, чтобы пародировать и высмеять несостоятельность этих взглядов и предложить общий европейский путь.

В эту компанию принимались и учащиеся – помимо Глинки, Лев Пушкин, позже Николай Маркевич, Павел Нащокин, друживший с братьями Пушкиными, и Сергей Соболевский. Мишель обрел здесь близких друзей на всю жизнь. По ночам в мезонине пансиона он постигал проблемы интеллектуальной и общественной жизни России.

Запретные встречи, нарушавшие строгий режим пансиона, сближали участников ощущением единой тайны. Среди друзей, обретенных здесь, был Николай Маркевич¹³¹, выходец из

¹³⁰ Анна Керн вела флородневник с подробным описанием своей интимной жизни, зашифрованной от посторонних глаз с помощью названий цветов.

¹³¹ Николай Андреевич Маркевич (1804–1860) – историк, этнограф, фольклорист и писатель. В 1817 году по протекции Жуковского в печати вышло его романтическое, как и полагается, мертвенно-унылое стихотворение «Гроб». С 1829 года жил в Москве, где брал уроки фортепиано у пианиста Джона Фильда и достиг блестящих результатов. С 1830-го жил на Украине, в своей деревне. Занимался изучением истории, в 1842–1843 годах вышла его пятитомная «История Малороссии». Парал-

Черниговской губернии, принадлежащий к уважаемому малороссийскому дворянскому роду. Он много рассказывал о любимой Малороссии, как тогда называлась Украина, и даже организовал Малороссийское общество, куда принял и Глинку. Хотя тот и не имел никакого отношения к Малороссии, но его музыкальный талант обеспечил ему почетное место. Маркевич, называвший друга «Глиночка», так вспоминал о нем в те годы: «маленький, крошечный, довольно безобразный», «с гениальным пламенным взглядом»¹³². Высокий и худой богач Сергей Александрович Соболевский (1803–1870), в будущем библиофил, библиограф, мастер эпиграммы, участвовал во всех интеллектуальных начинаниях в пансионе, а позже будет помогать Глинке в решении его финансовых затруднений.

Героями юношей были те, кого обсуждали и в высших кругах русского общества: французский поэт Пьер Жан де Беранже, сочинявший антиаристократические стихи, немецкий студент Карл Занд, убивший писателя Августа фон Коцебу, олицетворявшего «старый порядок»¹³³. Самым дерзким был Пушкин, прославившийся своими выходками уже с 1815 года. Кюхельбекер в мезонине читал запрещенные стихи бунтаря, например «Кинжал» (1821), «Деревню» (1819), «Сказки» (1818), оду «Вольность» (1817).

Мишель попал в водоворот оппозиционных настроений, которые выливались в литературу высочайшего уровня. Можно ли считать, что это вольное общество молодых людей, как и лекции либерально настроенных профессоров повлияли на политические взгляды будущего композитора? Скорее нет. Глинка никогда не отличался оппозиционными высказываниями. Максимализм и романтические попытки переустроить «старый» мир свойственны подросткам во все времена, но их изжили многие участники этих встреч.

Опора на традиционные ценности родительской семьи – патриотизм, родина, император, дворянская честь – были непоколебимы. Глинка формировался как приверженец монархии, в крайнем случае конституционной. Его политический консерватизм был устойчивым и глубоким, так как опирался на глубинные черты характера. Глинка писал о себе, что с самого детства был «кротким и добронравным»¹³⁴.

Литературные вечера часто переходили в музыкальные. Отец, не щадивший издержек, как вспоминал Глинка, купил для него рояль Тишнера, который установили в комнате мальчиков.

Небывалая роскошь для пансиона.

Король инструментов

Глинка все отчетливее понимал, что истинной его страстью являются музыка и игра на фортепиано. Его уровень владения инструментом пока подходил для домашнего музицирования, но он хотел достичь совершенства, как и в других науках. Он мечтал стать виртуозом, покоряя если и не большие концертные залы, но уж точно салоны. Мишель, теперь следуя петербургской моде, брал уроки игры на фортепиано.

Видимо, через отца или дядей, хорошо разбирающихся в столичных музыкантах, он обратился к самому известному учителю Петербурга – Джону Фильду¹³⁵ (1782–1837). Он считался звездой, лучшим пианистом, задевающим самые тонкие струны души. У него учились

лельно собирал музыкальный фольклор. В 1840-м выпустил в Петербурге первый сборник украинских песен, переложенных для фортепиано, в 1857-м – второй. Предполагается, что Маркевич повлиял на замысел «Полтавы» Пушкина, показав ему неизданный памятник украинской историографии «История руссов или Малой России».

¹³² Маркевич Н. Из воспоминаний // Глинка в воспоминаниях современников. С. 130.

¹³³ 23 марта 1819 года студент богословия протестантского Эрлангенского университета Карл Занд вошел в дом к известному и уважаемому писателю Августу Фридриху Фердинанду фон Коцебу и с криком «Изменник Отечества!» нанес ему три удара кинжалом в грудь. Затем вонзил кинжал в себя и на улице нанес себе еще один удар. Убийцу осудили на смертную казнь.

¹³⁴ Глинка М. И. Записки. С. 8.

¹³⁵ Возможно другое написание фамилии – Филд.

именитые русские аристократы и профессионалы – композиторы Алексей Верстовский, Александр Гурилев, пианист Карл Майер¹³⁶. Многие из окружения Мишеля брали у него уроки, их не смущала высокая стоимость. Говорили, что Фильд зарабатывал по 20 тысяч рублей в год, фантастическая сумма по тем временам¹³⁷.

Посетив в рамках мирового турне Петербург, Фильд, ирландец по происхождению, произвел фурор и с 1804 года часто приглашался в петербургские гостиные. Его стиль игры воплощал звуковой идеал русских меломанов, поклоняющихся культу протяжного инструментального звука, имитирующего голос итальянской примадонны. Со времен Елизаветы, державшей при дворе итальянский театр, этот стандарт красоты прививался русским. «Кажется, будто слышишь пение со всеми его оттенками» – так отзывались о его игре, что было величайшей похвалой. Не случайно первым учителем Фильда был итальянский маэстро Томмазо Джордани. Извлечение певучего звука на фортепиано, сравнимого по красоте с голосом, считалось высшим пилотажем. Об этом рассуждал, например, Бетховен. Сложность извлечения протяжного, незатухающего звука на фортепиано обусловлена механизмом инструмента – при нажатии клавиши приводится в движение молоточек, который ударяет по струнам. Так что природа фортепианного звука – удар, и пианист вынужден преодолевать ограничения механики.

С другой стороны, Фильд, следуя заветам другого учителя-итальянца – Муцио Клементи, большую часть жизни находившегося в Англии, пропагандировал отчетливую игру на фортепиано, что станет звуковым идеалом для Глинки. Речь идет о хорошей пальцевой технике, когда в игре пианиста, даже в очень быстрых пассажах или длинных протяжных мелодиях, можно явственно услышать каждую ноту, как во время исполнения фиоритур итальянскими певцами. В этом он также продолжал следовать классицистской парадигме, отчасти уподобляя фортепиано клавесину, но уже умеющему «петь». Глинка позже вспоминал о Фильде: «...казалось, что не он ударял по клавишам, а сами пальцы падали на них, подобно крупным каплям дождя, и рассыпались жемчугом по бархату»¹³⁸.

Точную дату начала занятий у Фильда установить сложно. Известно, что он взял три урока, после чего маэстро уехал на очередные гастроли, а в 1821 году переехал в другую столицу империи – Москву. За это короткое время он выучил его второй Дивертисмент *E-dur* и получил от автора похвалы. Это говорит о прекрасной памяти Мишеля, способности концентрироваться и преодолевать сложные препятствия, а главное – об умении учиться. Искусство Фильда оставило неизгладимое впечатление, так что до конца жизни Мишель помнил его «сильную мягкую и отчетливую игру». После отъезда Фильда в Москву Глинка продолжал обучение у автора популярных маршей и полонезов Вильгельма Аумана, ученика Фильда. С ним он выучил Концерт *Es-dur* Фильда, жанр новый для Мишеля, более серьезный и сложный. С новым учителем что-то не сложилось, и он вскоре обратился к другой петербургской известности – немцу Карлу Цейнеру (1775–1841), ученику Клементи. Если Фильд занимался больше качеством туше (то есть звукоизвлечения), передачей смыслов и эмоций, то Цейнер работал над техникой¹³⁹. Глинка вспоминал: он «усовершенствовал механизм». Результатом их занятий стало первое публичное выступление Глинки на открытом экзамене в пансионе. 28 июня 1820 года он исполнил фортепианный концерт Цейнера, чем вызвал похвалы публики, среди

¹³⁶ Карл Майер (Шарль Мейер; 1799–1862) – родился в Пруссии, ученик Дж. Фильда. Его первый успешный тур прошел в 1814 году в Польше, Германии, Нидерландах и Франции. С 1819 года жил в Петербурге. Прославился не только как концертный исполнитель, но и как успешный педагог. Воспитал около 800 учеников. В 1845 году отправился в еще один успешный тур – по Скандинавии, Германии и Австрии. Автор более 350 сочинений для фортепиано и учебника «Новая школа беглости». Не выдержав конкуренции с Адольфом фон Гензельтом в 1840-е годы, Майер уехал в Дрезден, где и скончался.

¹³⁷ Чуть больше зарабатывал только Катерино Кавос, получавший 21 тысячу рублей в год.

¹³⁸ Глинка М. И. Записки. С. 15.

¹³⁹ Его методику Глинка называл так – учить «вдолбашку», то есть через многократное повторение, что Глинке было неинтересно и утомительно. По этой причине от отказался от услуг Цейнера.

которой находился министр духовных дел и народного просвещения его сиятельство князь Александр Николаевич Голицын.

Последующие два года¹⁴⁰, до выпуска из пансиона, он учился у другого ученика Фильда – Карла Майера, выходца из Пруссии. Майер был лишь на пять лет старше Глинки и стал для него старшим наставником и близким другом, к совету которого он всегда прислушивался.

Карьера Майера началась в послевоенные годы, вплоть до 1840-х годов он был признан единственным «своим», русским виртуозом, несмотря на «нерусское» происхождение. Показательно, что когда в 1842 году в Петербург приехал Лист, то его партнером по ансамблю стал именно Майер, единственный, кто смог сравниться с ним по уровню виртуозности. Его ценили в обществе за дар преподавания, он всегда сохранял спокойствие и уважительно относился к ученику. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в 1845 году отмечала: ученики Майера – «лучшие дилетанты столицы – виртуозы на фортепианах (и их весьма немало)»¹⁴¹. Видимо, он унаследовал от Фильда интерес в первую очередь к музыкальному совершенству интерпретации, нежели к техническому. В этом они были похожи с Глинкой. Майер рассказал Глинке об «истинном» искусстве, которое ценили просвещенные русские аристократы и совсем не знала широкая публика. Майер впервые познакомил Глинку с музыкой тех композиторов, которых уже тогда именовали классиками, – Бетховена, Моцарта и Керубини, чуть позже Мендельсона. По-видимому, в это время совершается переворот в сознании Мишеля – он услышал сложную музыку, которая полностью построена на имманентных, то есть внутренних, законах искусства. В то время быть пианистом почти всегда означало быть еще и композитором. Майер провоцирует своим примером Глинку на занятия композицией. Его первые попытки относятся еще ко времени занятий с Цейнером, но тот отпугнул юношу муштрой. А Майер, наоборот, завлек в пути сочинительства – своими тонкими объяснениями устройства музыки и ее воздействия.

¹⁴⁰ Существуют разные мнения о том, когда начались занятия с К. Майером. В шестом томе Полного собрания сочинений М. И. Глинки редактор издания Н. Н. Загорный указывал, что занятия с Майером начались в 1822 году (*Глинка М. И. Полное собрание сочинений. Т. 6: Сочинения для фортепиано в две руки. М.: Музгиз, 1958. С. 11*).

¹⁴¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 65. 22 марта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.